

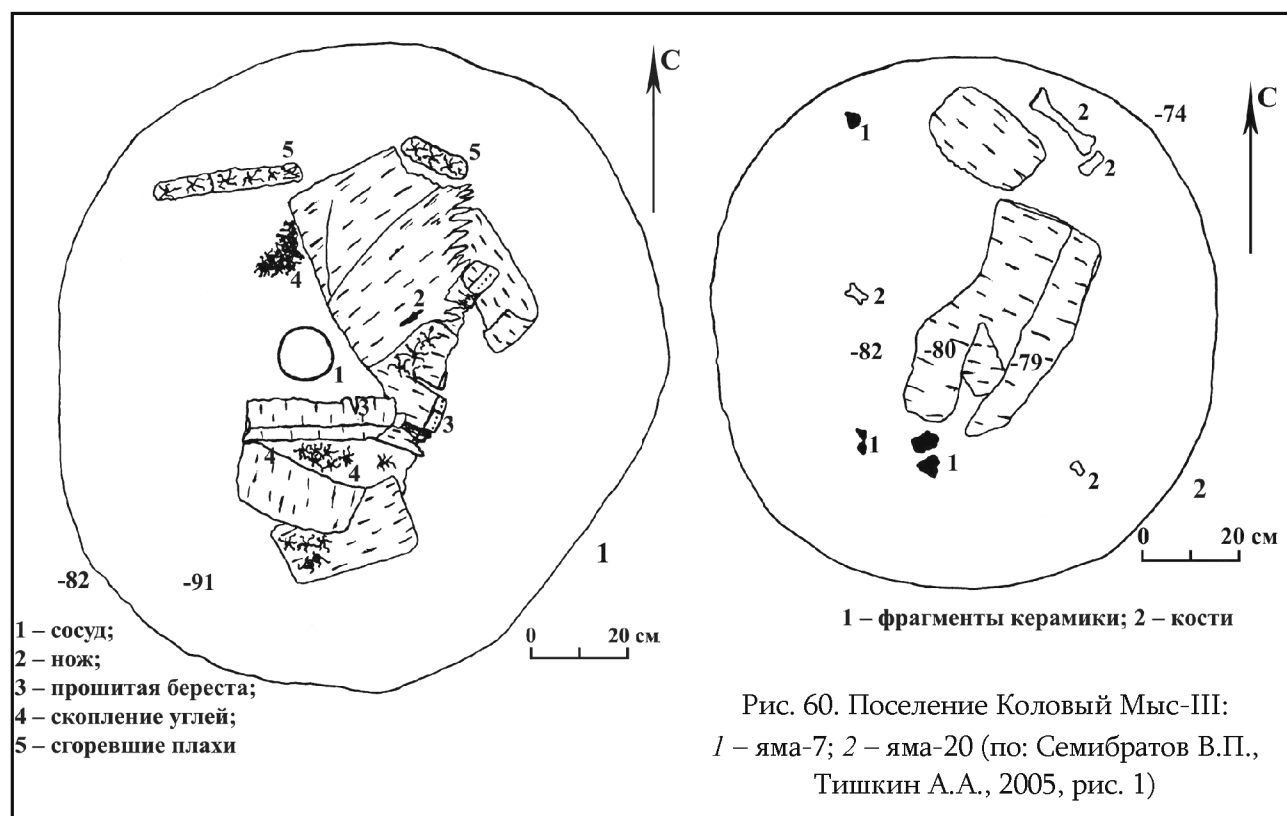
логический комплекс Кармацкий можно считать в настоящее время базовым объектом при решении целого круга важных проблем. Изучение его обеспечит возможность осуществить написание более емкой истории населения Верхнего Приобья древности и средневековья, а также сравнить полученные результаты с прежними наработками подобного плана (Грязнов М.П., 1951, 1956).

КОЛОВЫЙ МЫС-III. Памятник расположен на мысу коренной террасы левого берега Чарыша в 800 м к северо-западу от одноименного села в Усть-Пристанском районе Алтайского края. Он неоднократно обследовался (Фролов Я.В., 1999). Однако средневековые материалы были обнаружены и в определенной мере идентифицированы лишь в ходе проведения аварийных раскопок Чарышской археологической экспедицией АлтГУ под руководством В.П. Семибратова. Выявлены две ямы, где зафиксированы береста, глиняный сосуд, железный нож и некоторые другие находки. Кроме этого, предварительно выделены две группы найденной керамики, одна из которых датирована V–VI вв. н.э. и отнесена к одинцовской культуре, вторая определена началом II тыс. н.э. (Семибратов В.П., Казаков А.А., Папин Д.В., 2004, с. 25, рис. 3, 4.-2, 8). Стоит отметить, что в том же 1998 г. Я.В. Фроловым был раскопан находящийся поблизости курган. Объект предварительно датирован эпохой средневековья (сросткинская культура). Материалы полностью не введены в научный оборот. Имеется лишь краткое упоминание и представлены рисунки предметного комплекса (Фролов Я.В., 1999, с. 8, рис. 12).

Среди находок, обнаруженных на памятнике Коловый Мыс-III, наибольший интерес вызывают поздние материалы. Дело в том, что керамика Лесостепного Алтая предмонгольского и монгольского времени очень слабо изучена. Имеется всего несколько публикаций, где отражены такие сведения (Грязнов М.П., 1956; Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1997; Горбунов В.В., 1998; Абдулганеев М.Т., 2001; и др.). Это связано с целым рядом причин и касается периода развитого средневековья. Главное заключается в отсутствии специальных и целенаправленных исследований в данной области. Началом могла бы стать систематизация имеющихся находок из разных коллекций, соотношение их друг с другом и с изделиями из погребальных комплексов, а также проведение раскопок на однослойных средневековых поселениях. В этом плане важна публикация таких данных. Например, до сих пор не увидели свет материалы, полученные В.Б. Бородаевым на городище Абакша-1 (Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1983, с. 29). В фондах различных музеев края и в частных коллекциях хранятся фрагменты средневековой керамики, найденной в Лесостепном Алтае. Но они до сих пор должным образом не изучались, а некоторые даже толком не атрибутированы. Тем не менее постепенно процесс накопления знаний осуществляется, и создается почва для более продуктивных исследований.

Как уже было сказано, в ходе раскопок на памятнике Коловый Мыс-III зафиксированы две ямы, располагавшиеся по линии Ю–С. При внимательном их изучении оказалось, что они не имеют ничего общего с хозяйственными объектами, а отражают иной характер сооружений. В одной яме под №7 (кв. В-3) обнаружены развал сосуда, железный нож, остатки бересты и многочисленные угли, хотя следы огня не отмечены (рис. 60.-1). Размеры сооружения аморфной формы примерно были такие: длина – 1,4 м, ширина – 1,25 м. Объект прослежен только на уровне материка, который обозначился на глубине около 82 см от современной поверхности. Но сначала обнаружили части керамического горшка, находившиеся почти в центре ямы, а затем другие находки. Наиболее важными являются остатки потревоженного берестяного чехла и/или подстилки. Подобные конструкции

характерны для внутримогильных сооружений погребальных памятников монгольского времени, обнаруженных в Лесостепном Алтае (Кунгуров А.Л., 1991; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; Тишкин А.А., 2004б; и др.). Очень четко фиксировался край с участками прошитой полосы бересты (рис. 60.-1; 61.-2). Такие находки дают возможность предположить, что мы имеем дело с нарушенной могилой, глубина которой в материке составила около 10 см. В пользу этого свидетельствуют обнаруженные изделия (сосуд и нож), а также большие размеры ямы, ориентированной длинной осью по линии ЮЗ-СВ, что также характерно для погребальных сооружений развитого средневековья. В то же время в яме вообще не отмечены остатки человеческого скелета. Данное обстоятельство может быть объяснено тем, что захоронение ограблено и в ходе этого кости оказались выброшены из могилы. Не исключено, что раскопанный объект представлял собой кенотаф или погребение ребенка.

Определить точное время и культурную принадлежность сооружения довольно сложно. Однако попытаемся наметить такую возможность хотя бы в общих чертах. Обнаруженный на берестяном чехле железный нож (рис. 61.-3) имеет довольно широкий круг аналогий в памятниках эпохи средневековья. Среди них наиболее близкие образцы мы находим в захоронениях кармацкой культуры монгольского времени. Для таких изделий характерны два уступа при переходе черенка в клинок и другие отличительные особенности (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 90). Аналогии круглодонному орнаментированному сосуду (рис. 61.-1), высота которого и диаметр венчика примерно одинаковые (около 18 см), можно найти в памятниках 1-й половины II тыс. н.э. Томского и Новосибирского Приобья, Кузнецкой котловины и Среднего Чулыма (Беликова О.Б., 1996; Плетнева Л.М., 1997а-б; Адамов А.А., 2000; и др.). Следует, вероятно, согласиться с мнением ряда исследователей о преемственности местных западносибирских традиций в изготовлении керамики от раннего до позднего средневековья при существовании регио-

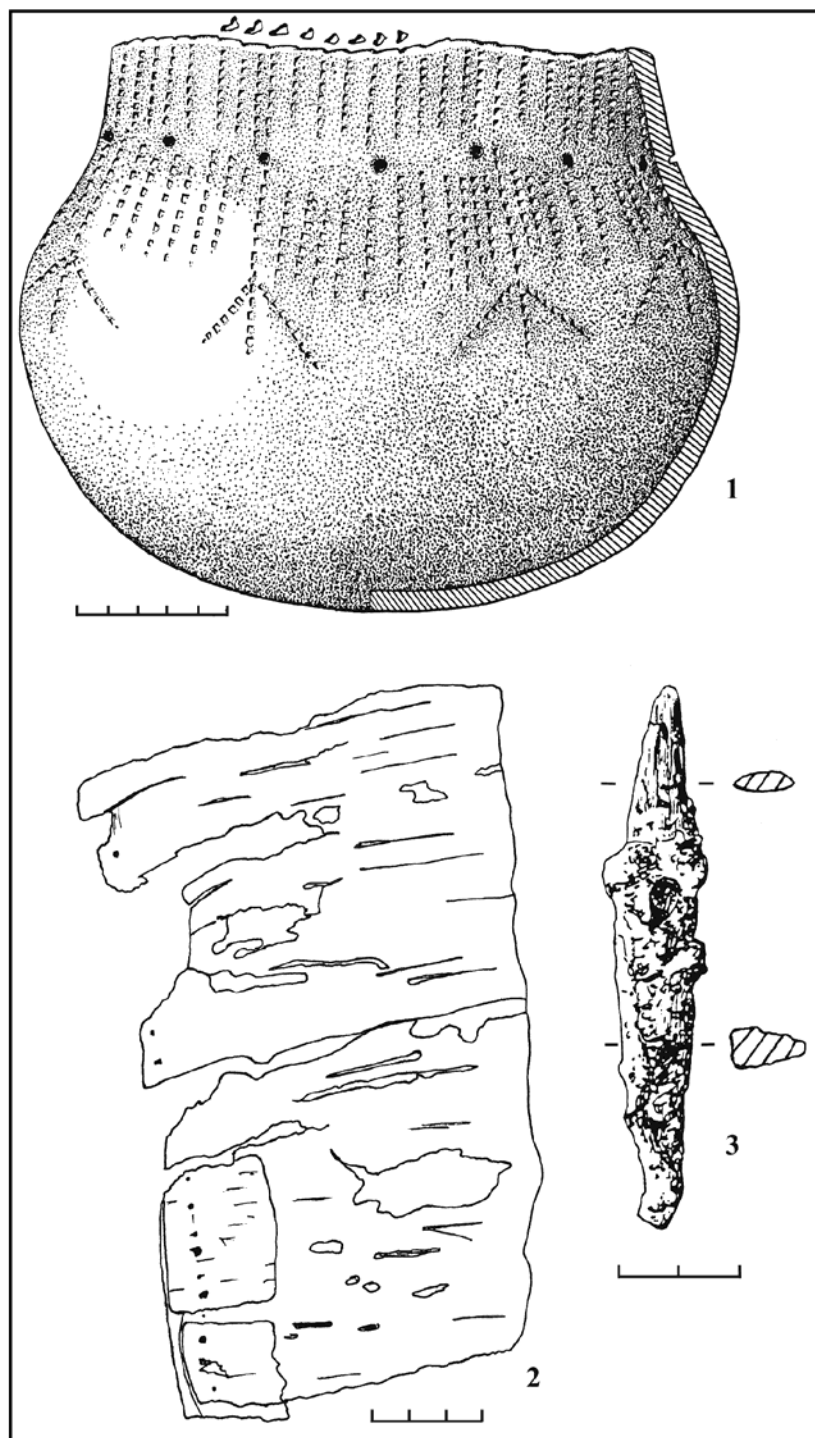

Рис. 61. Поселение Коловый Мыс-III. Находки из ямы-7:

1 – керамика; 2 – береста; 3 – железо, дерево
(по: Семибратов В.П., Тишкин А.А., 2005, рис. 2)

КРЕСТЬЯНКОЕ-III. Памятник открыт Г.Е. Ивановым в 1970 г. Он находится в 4–5 км к юго-западу от с. Крестьянское (Мамонтовский район Алтайского края), на высокой песчаной возвышенности у перешейка между озерами Крестьянское и Перешеечное, слева от дороги Крестьянское–Поломошное (Иванов Г.Е., 2000, с. 18). В небольшом, но глубоком выдуве на северо-восточной оконечности дюны Г.Е. Ивановым зафиксированы, вероятно, остатки разрушенных погребений, относящихся к периоду развитого средневековья (рис. 62). Сначала там были найдены два железных черешковых наконечника стрел (рис. 62.-1, 3) (Иванов Г.Е.,

нальных особенностей (Плетнева Л.М., 19976, с. 122; Абдулганеев М.Т., 2001, с. 83).

Что касается ямы №20, в которой найдены листы бересты, фрагменты неорнаментированной керамики и кости животных (рис. 61.-2), то интерпретация ее может быть такой же, как и выше описанного объекта. Не исключена их одновременность и монокультурность. Однако, для более существенной аргументации необходимы дополнительные сравнительные характеристики. Кроме этого, важно использовать и естественно-научные методы.

Таким образом, имеющийся в наличии средневековый материал изучаемого памятника свидетельствует об использовании территории мыса населением Лесостепного Алтая в предмонгольское и монгольское время. Аварийность частично изученного археологического объекта, связанная прежде всего с антропогенным воздействием, усугубляла получение объективных сведений. Возможно, дальнейшие раскопки смогут прояснить в какой-то мере возникшие проблемы культурно-хронологического определения зафиксированных находок.

1982, с. 48, рис. 4.-5-6) и несколько фрагментов средневековой керамики (рис. 62.-5-9), а позднее обнаружены бронзовая серьга в виде знака вопроса (рис. 62.-4) и часть плоского наконечника стрелы (рис. 62.-2) из железа (Иванов Г.Е., Исаев Н.Н., 1996, с. 107, 109, рис. 1.-19, 22, 25). Последние находки датированы XIII-XIV вв. (Иванов Г.Е., 1999, с. 151). Исходя из имеющихся данных можно заключить, что, кроме разновременного поселенческого слоя, на аварийном памятнике Крестьянское-III отмечены следы разрушения могильника развитого средневековья.

ОСИНКИ. На длинном песчаном мысу рядом с местом впадения р. Камышенки в оз. Шибаева в урочище «Осинки» под руководством Д.Г. Савинова раскопан большой грунтовый могильник (рис. 63). Памятник располагался в 7 км от пос. Камышенка Усть-Пристанского района Алтайского края.

Следует указать, что работы на памятнике Осинки были начаты Н.Л. Членовой (1970, с. 201) в 1969 г. во время проведения разведки на так называемом Северном Алтае. По первоначальному заключению Д.Г. Савинова (1971а, с. 219-220) среди исследованных 76 погребений имелись могилы, которые можно было датировать монгольским временем. Археологические находки хранятся в Государственном Эрмитаже (колл. №2473). Они неоднократно осматривались автором монографии. В настоящее время результаты раскопок памятника полностью опубликованы (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008). Опираясь на них, кратко представим материалы некоторых могил, относящихся, на наш взгляд, к монгольскому времени. Более детальное осмысление всех погребений развитого средневековья на современном уровне еще предстоит сделать. Пока лишь ограничимся демонстрацией имеющихся сведений, которые, в принципе, отражают уже обозначенный характер интерпретации (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; Горбунов В.В., 2006, с. 138). Следует отметить, что памятник Осинки располагается примерно в 25 км от урочища Ближние Елбаны (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 9), где раскопки проводил Н.С. Гуляев, а М.П. Грязновым (1956) были осуществлены масштабные работы, о которых сообщалось выше.

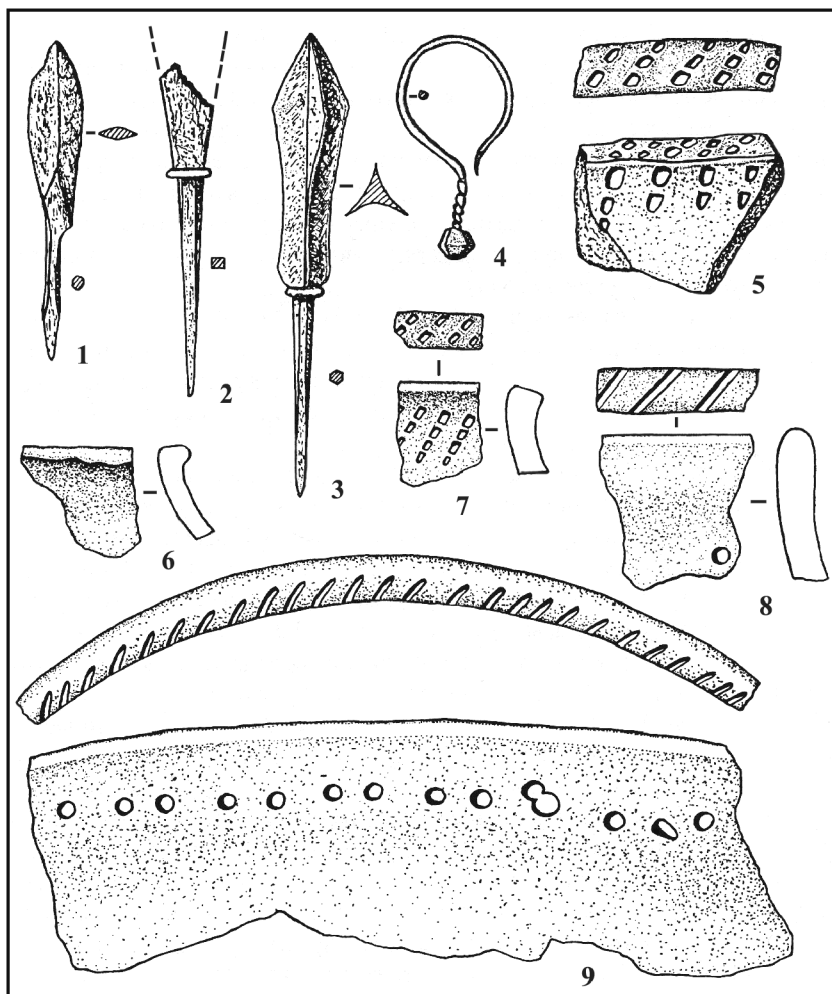

Рис. 62. Крестьянское-III. Находки, относящиеся к периоду развитого средневековья (1-3 – железо; 4 – бронза, камень (?); 5-9 – керамика) (по: Иванов Г.Е., 2000, рис. 8.-1-9)

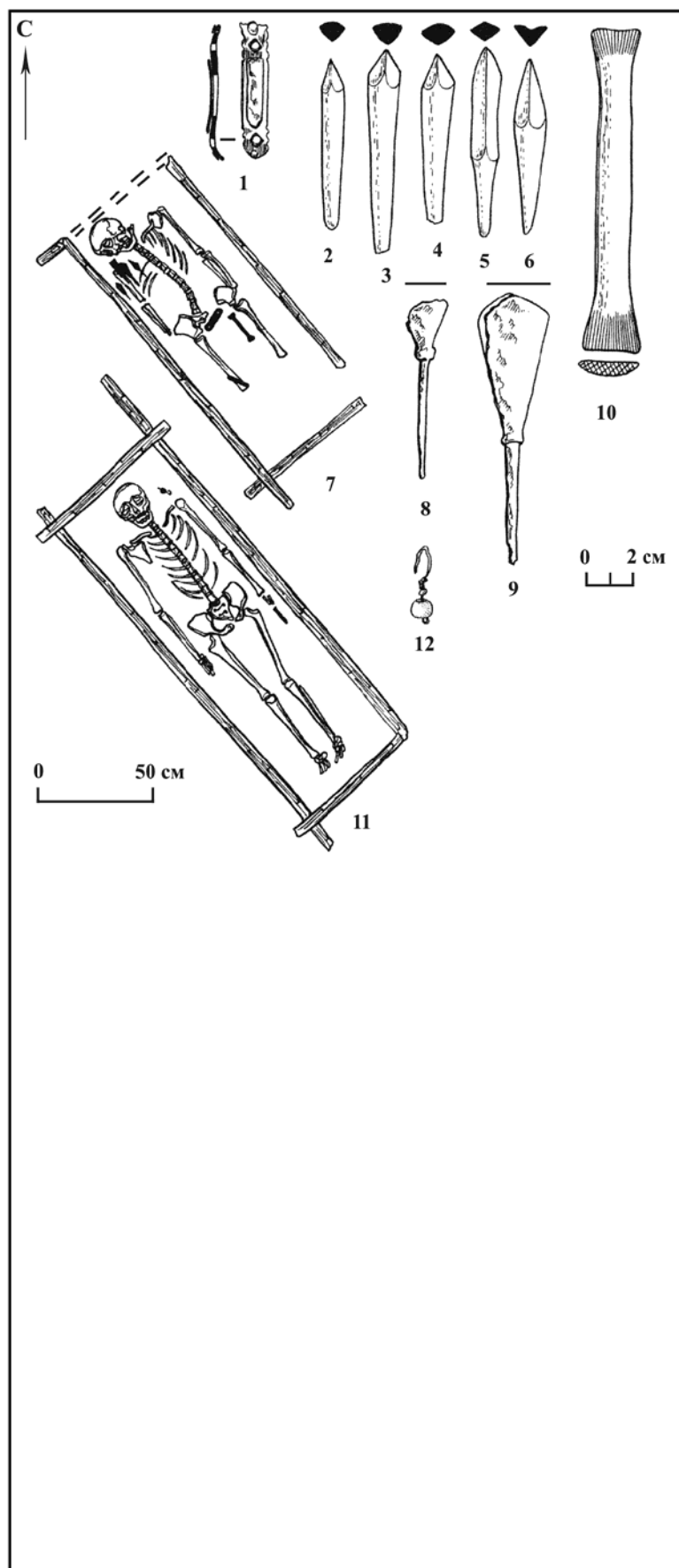

Рис. 63. План могильника Осинки
(по: Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, табл. I)

Могила-9 (рис. 63; 64.-1-10) находилась в центральной части памятника. Погребение мужчины в возрасте 20–25 лет зафиксировано в прямоугольной деревянной раме (рис. 64.-7). Умерший лежал на спине, головой на северо-запад, руки были вытянуты вдоль туловища. Часть костей отсутствовала. Обнаружен следующий предметный комплекс: пять костяных (рис. 64.-2-6) и два железных (рис. 64.-8-9) наконечников стрел; срединная накладка от лука (рис. 64.-10) и бронзовое изделие (рис. 64.-1).

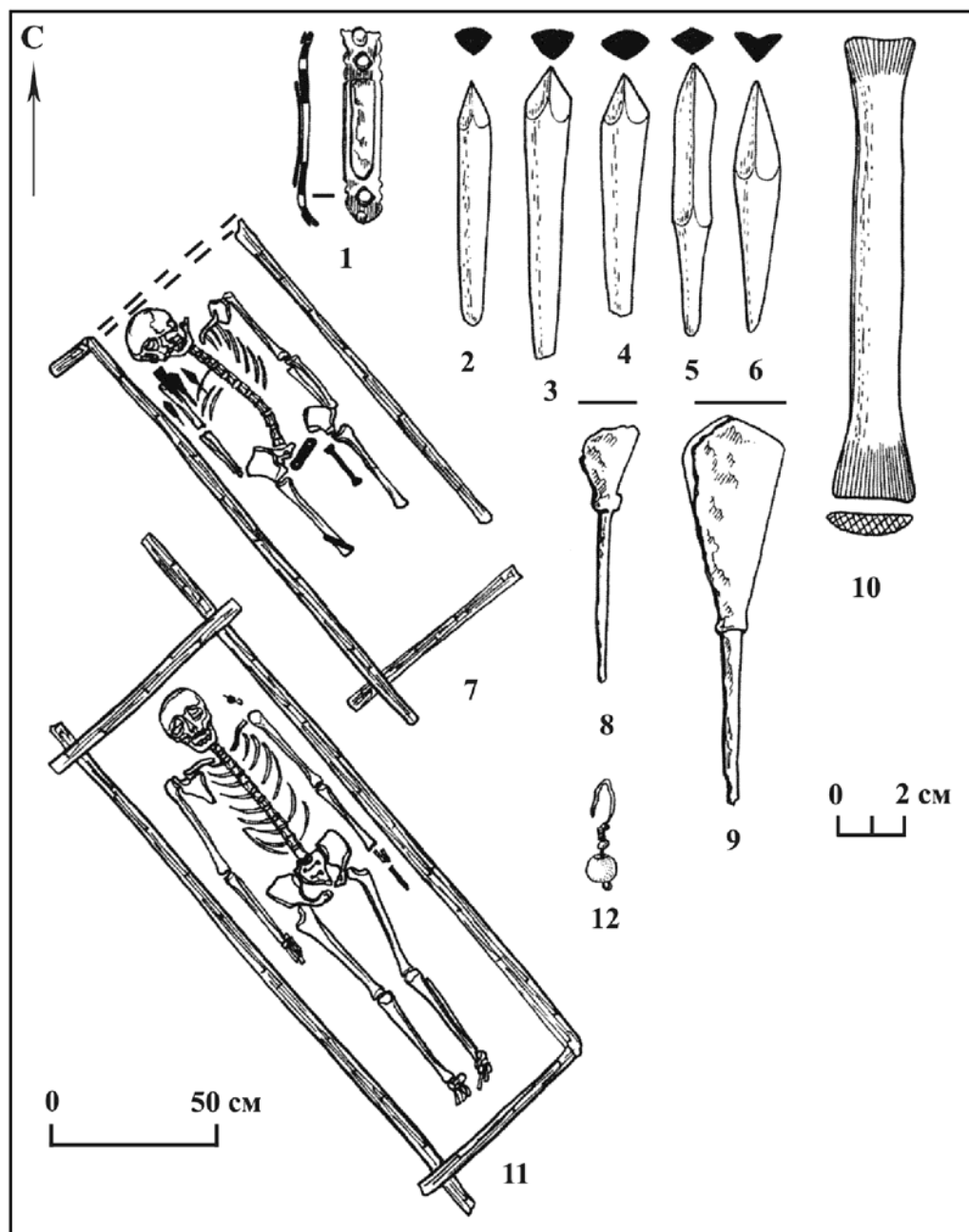

Рис. 64. Осинки. Могилы-9 (1-10) и 11 (11-12). 1 – бронза, железо; 2-6, 10 – кость; 8-9 – железо; 11 – бронза, стекло (по: Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, табл. XXI.-1-12)

Могила-11 (рис. 63; 64.-11-12) располагалась немного западнее от могилы-9. Погребение женщины 55–60 лет находилось в прямоугольной деревянной раме (рис. 64.-11), которая имела перекрытие. Умершая лежала на спине, головой на северо-запад, руки были вытянуты вдоль туловища. Слева от черепа зафиксирована серьга (рис. 64.-12), а около костей кисти левой руки – «распавшийся железный нож».

Могила-15 (рис. 63; 65.-1–12) располагалась в центральной части памятника. Погребение мужчины в возрасте 35–40 лет находилось в прямоугольной деревянной раме (рис. 65.-1), которая была перекрыта берестой. Умерший лежал на спине, головой на северо-запад, руки были вытянуты вдоль туловища. Скелет собаки зафиксирован у юго-восточного угла рамы. Обнаружен следующий предметный комплекс: берестяной колчан (рис. 65.-1) и связанные с ним детали – железный крюк (рис. 65.-5), накладка (рис. 65.-11), две обоймы (рис. 65.-6–7), две застёжки (рис. 65.-12); железные и костяной наконечники стрел (рис. 65.-2–4, 8); кочедыг (рис. 65.-9); накладка на лук (рис. 65.-10); тесло (рис. 65.-15).

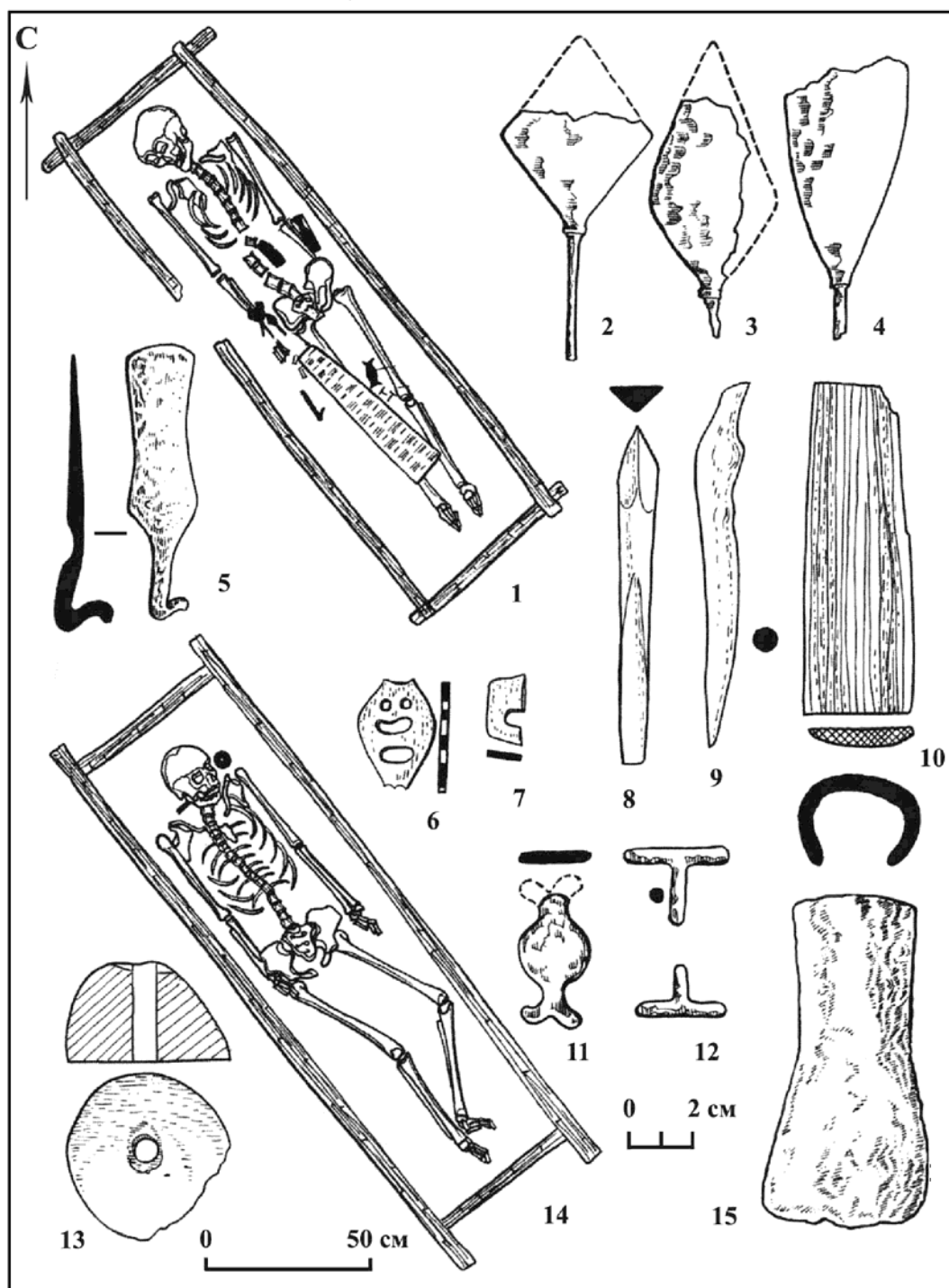

Рис. 65. Осинки. Могилы-15 (1–12) и 73 (13–14). 2–5, 11–12, 15 – железо; 6–10, 13 – кость, рог (по: Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, табл. XXI.-1–12)

Могила-18 (рис. 63; 66.-1–9) зафиксирована в центральной части памятника неподалеку от могилы-15. Погребенный мужчина 45–50 лет находился в грунтовой могиле (рис. 66.-1). Он лежал на спине, головой на юго-запад, руки были вытянуты вдоль туловища. Обнаруженный предметный комплекс включал железные (рис. 66.-2–5) и костяные (рис. 66.-8–9) наконечники стрел, железный нож (рис. 66.-7) и костяной язычок от пряжки (рис. 66.-6).

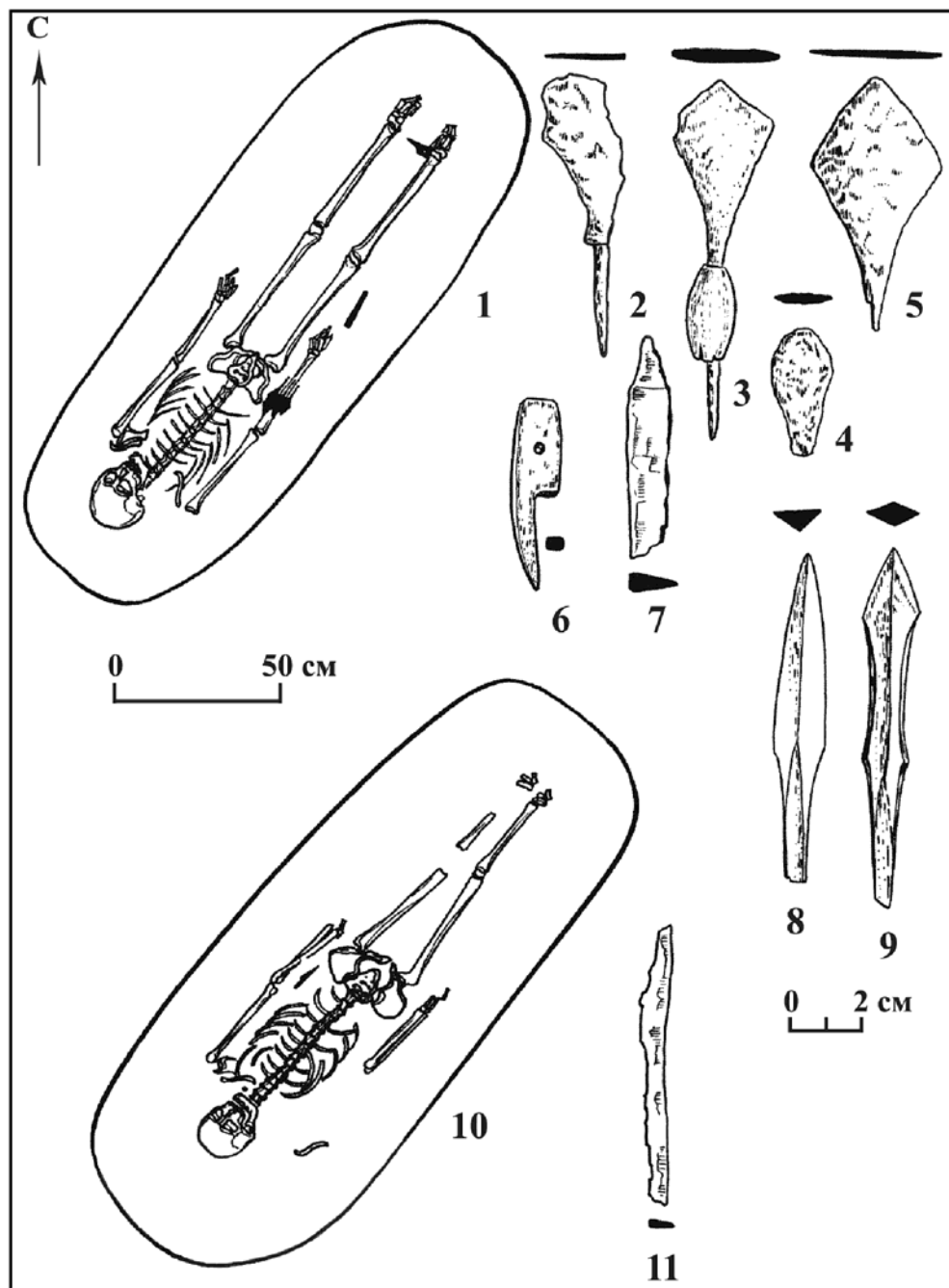

Рис. 66. Осинки. Могилы-18 (1–9) и 49 (10–11). 2, 4–5, 7, 11 – железо; 3 – железо, кость; 6, 8–9 – кость (по: Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, табл. XXVI)

Могила-29 (рис. 63; 67.-1–6) обнаружена в южной части памятника. Погребение женщины 35–40 лет находилось в грунтовой могиле. Умершая лежала на спине, головой на юго-запад, руки были вытянуты вдоль туловища (рис. 67.-2). Зафиксированы следующие предметы: ожерелье, серьга (рис. 67.-4), подвеска (рис. 67.-1), кольца (рис. 67.-3), фрагмент зеркала (рис. 67.-6) и обломок ножа (рис. 67.-5).

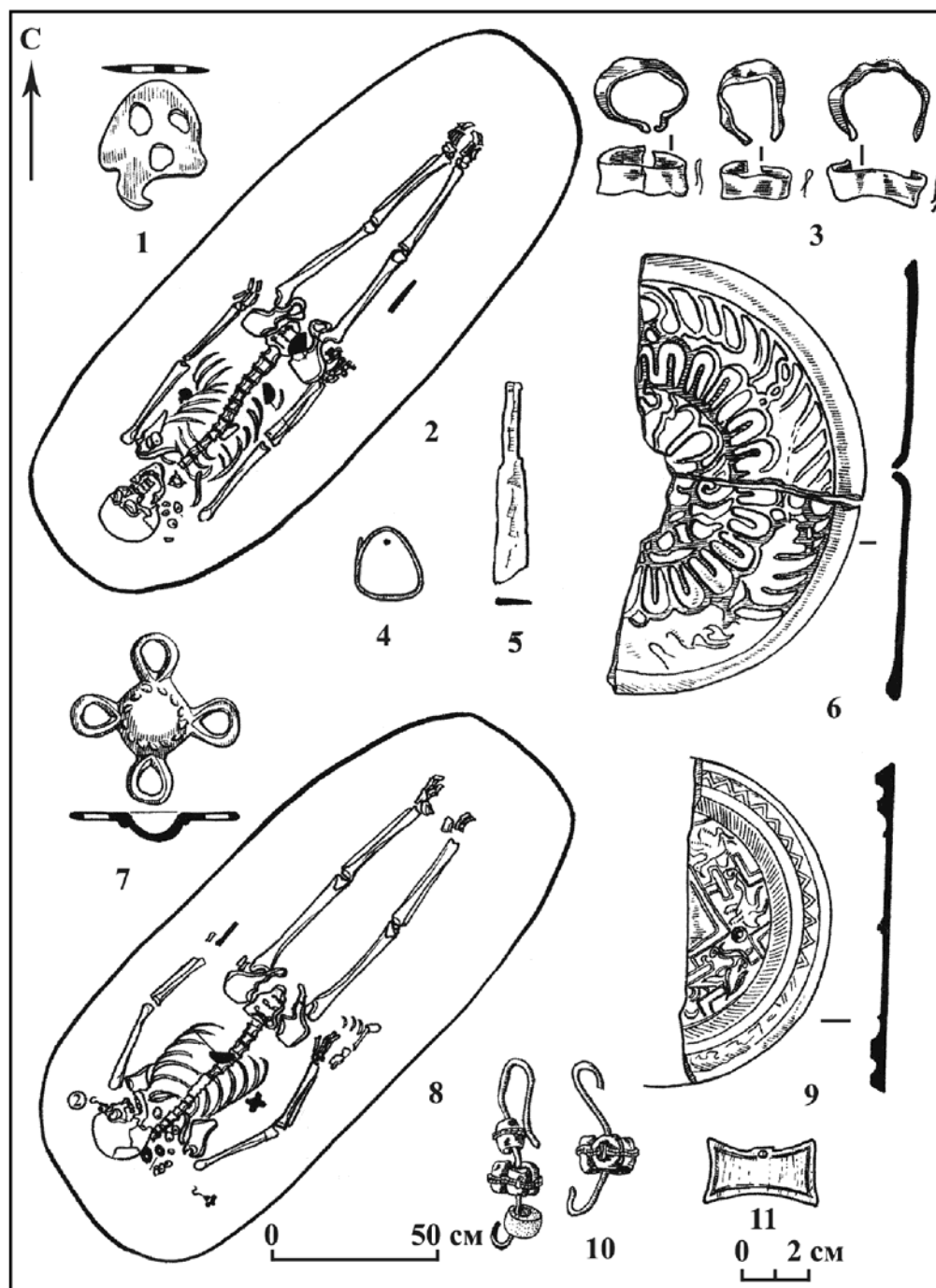

Рис. 67. Осинки. Могилы-29 (1-6) и 30 (7-11). 1, 4, 6-7, 9 – бронза; 3 – серебро; 5 – железо; 10 – серебро, камень; 11 – кость (по: Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, табл. XXV)

Могилы-29 (рис. 63; 67.-1-6) находилась рядом с предыдущей. Погребение женщины в возрасте 25-30 лет обнаружено в грунтовой яме. Умершая лежала на спине, головой на юго-запад, руки были разведены в стороны (рис. 67.-8). Зафиксированы следующие предметы: ожерелье, застежка (рис. 67.-11), серьги (рис. 67.-10), фрагмент зеркала (рис. 67.-9), бляха (рис. 67.-7) и «распавшийся железный нож». Рядом со скелетом найдены кости младенца.

Могилы-30 (рис. 63; 67.-7-11) находилась рядом с предыдущей. Погребение женщины в возрасте 25-30 лет обнаружено в грунтовой яме. Умершая лежала на спине, головой на юго-запад, руки были разведены в стороны (рис. 67.-8). Зафиксированы следующие предметы: ожерелье, застежка (рис. 67.-11), серьги (рис. 67.-10), фрагмент зеркала (рис. 67.-9), бляха (рис. 67.-7) и «распавшийся железный нож». Рядом со скелетом найдены кости младенца.

Могила-57 (рис. 63; 68.-7) располагалась в северной части памятника. Детское погребение находилось в деревянной раме с перекрытием. Умерший лежал на спине, головой на северо-запад. Рядом с рамой обнаружены череп младенца и керамический сосуд.

Могила-62 (рис. 63) находилась в северной части памятника. Погребение мужчины средних лет исследовано в грунтовой яме. Умерший лежал на спине, головой на юго-запад, руки были вытянуты вдоль туловища. В могиле обнаружены шесть костяных наконечников стрел, железная пряжка и «распавшийся железный нож» (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, табл. XXV).

Могила-64 (рис. 63; 68.-1-6, 8-12) зафиксирована в северной части памятника. Погребение мужчины в возрасте 45-50 лет располагалось в деревянной раме. Умерший лежал на спине, головой на северо-запад, руки были вытянуты вдоль туловища. Обнаружены следующие предметы: костяные накладки на лук (рис. 68.-6, 12), железные (рис. 68.-3, 8-10) и костяной (рис. 68.-2) наконечники стрел, фрагмент ножа (рис. 68.-11), колчаный крюк (рис. 68.-1) и, возможно, наконечник остроги (рис. 68.-4).

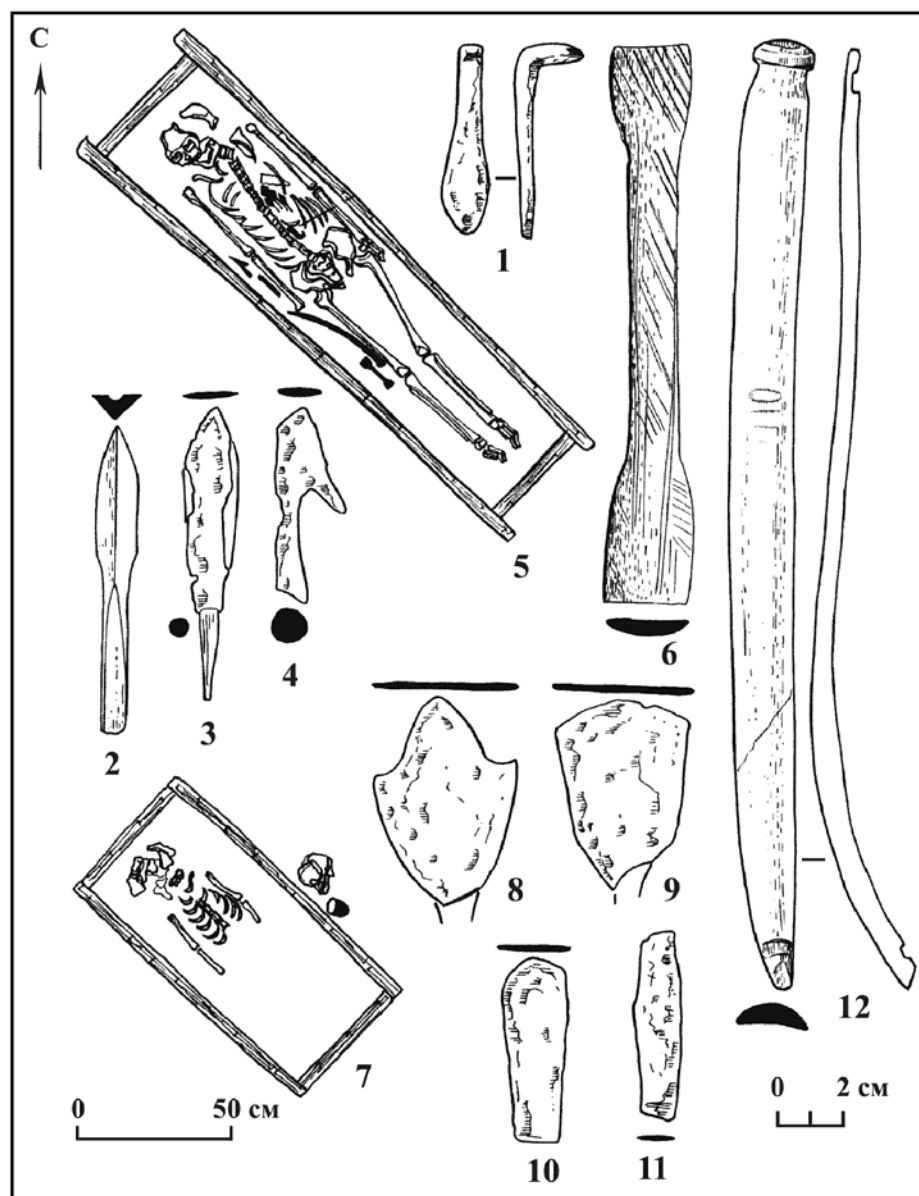

Рис. 68. Осинки. Могилы-57 (7) и 64 (1-6; 8-12). 1, 3, 4, 8-11 – железо; 2, 6, 12 – кость (по: Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, табл. XX)

Могила 68 (рис. 63; 69.-2-8) располагалась в южной части памятника. Погребение мужчины в возрасте 35–40 лет зафиксировано в деревянной колоде. Умерший лежал на спине, головой на запад, руки были вдоль туловища (рис. 69.-2). Найдены железные наконечники стрел (рис. 69.-4-8) и «костяное кольцо» (рис. 69.-3)

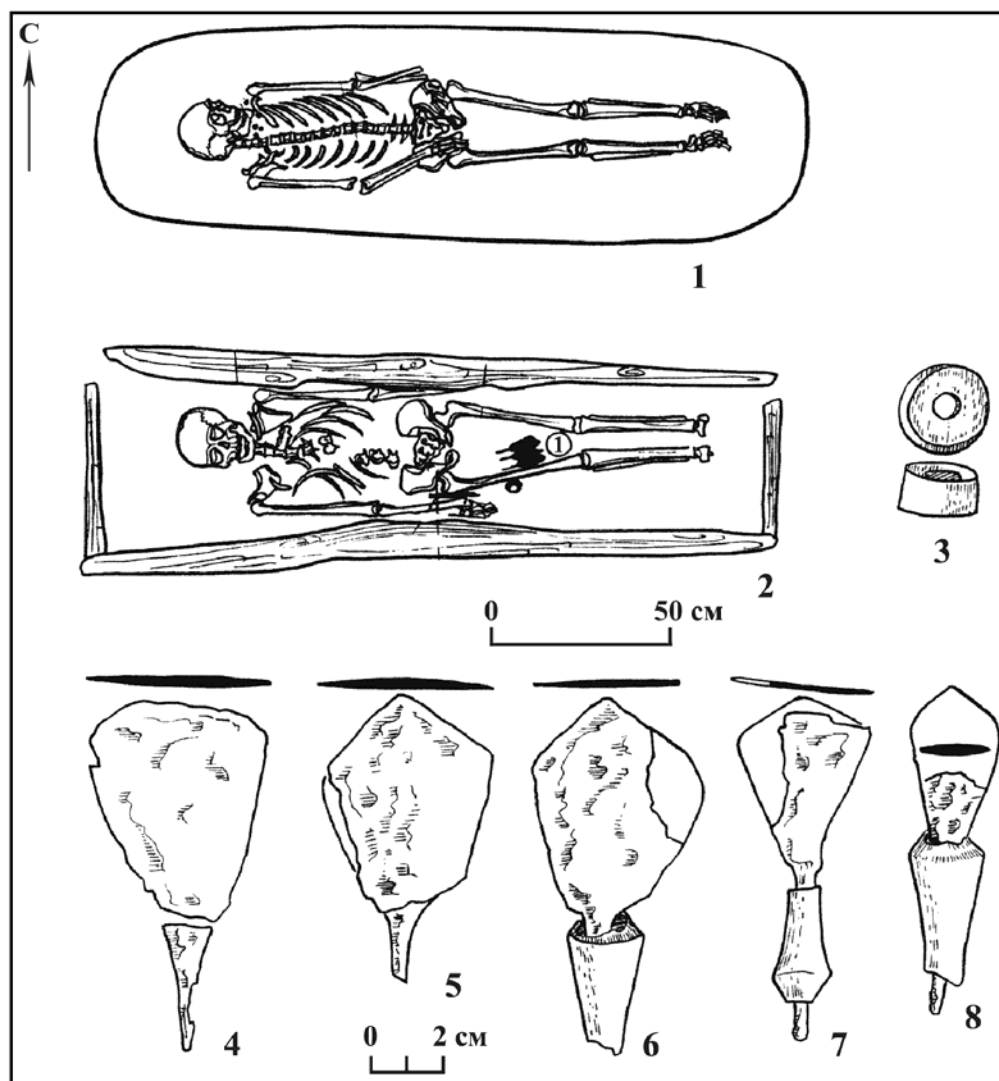

Рис. 69. Осинки. Могилы-68 (2-8) и 71 (1). 3 – кость; 4, 5 – железо; 6-8 – железо, кость
(по: Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, табл. XXVII)

Могила-71 (рис. 63; 69.-1) находилась в северной части могильника. Погребение женщины 25–30 лет располагалось в грунтовой яме. Умершая лежала на спине, головой на запад, руки были вытянуты вдоль туловища, а кисти покоились ниже живота (рис. 69.-1). У нее на шее висели бусы.

Могила-73 (рис. 63; 65.-13-14) зафиксирована в северной части памятника. Погребение женщины в возрасте 35–40 лет находилось в деревянной раме. Умершая лежала на спине, головой на север-северо-запад, со слегка согнутыми в коленях ногами, руки были вытянуты вдоль туловища (рис. 65.-14). В могиле обнаружен каменный оселок и предмет из кости (рис. 65.-13).

Могила-74 (рис. 63) находилась в южной части памятника. Погребение женщины в возрасте 35–50 лет зафиксировано в грунтовой яме. Умершая лежала на спине, головой на юго-запад, руки были вытянуты вдоль туловища. Обнаружены кольчатые подвески с шариками, фраг-

мент зеркала, обломок железного ножа и «серебряная подвеска с рельефным орнаментом в виде пальметки» (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 18–19, табл. XXV).

Отнесение вышеперечисленных могил к монгольскому времени подтверждается не только характерными показателями погребального обряда, но и обнаруженным комплексом предметов, аналогии которым имеются среди опубликованных и представленных в данной монографии материалов кармацкой культуры. Весь этот материал демонстрирует наличие могильника монгольского времени, который действовал продолжительное время.

ОСТРОВНОЕ-III. Разрушавшееся погребение обнаружено на поселении Островное-III (Мамонтовский район Алтайского края). Памятник находится слева от дороги Мамонтово–Островное, у поворота на с. Суслово, на высокой дюне в болотистой пойме оз. Большое Островное (Иванов Г.Е., 2000, с. 39). У юго-западной кромки выдува, который разрушал пологий склон, Г.Е. Ивановым (1999) обнаружена выступавшая из песка бедренная человеческая кость. Очертаний могильной ямы и следов какой-либо конструкции не прослеживалось. После зачистки на глубине 5–7 см зафиксирован скелет молодой женщины. Сохранность костей оказалась «относительно хорошей». Лишь череп, повернутый влево, был недавно поврежден в височной части копытом коровы. Умершая лежала вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 70.-1). Ее правая рука была слегка согнута в локте, поэтому кости кисти находились в районе таза. Левая рука располагалась вдоль тела.

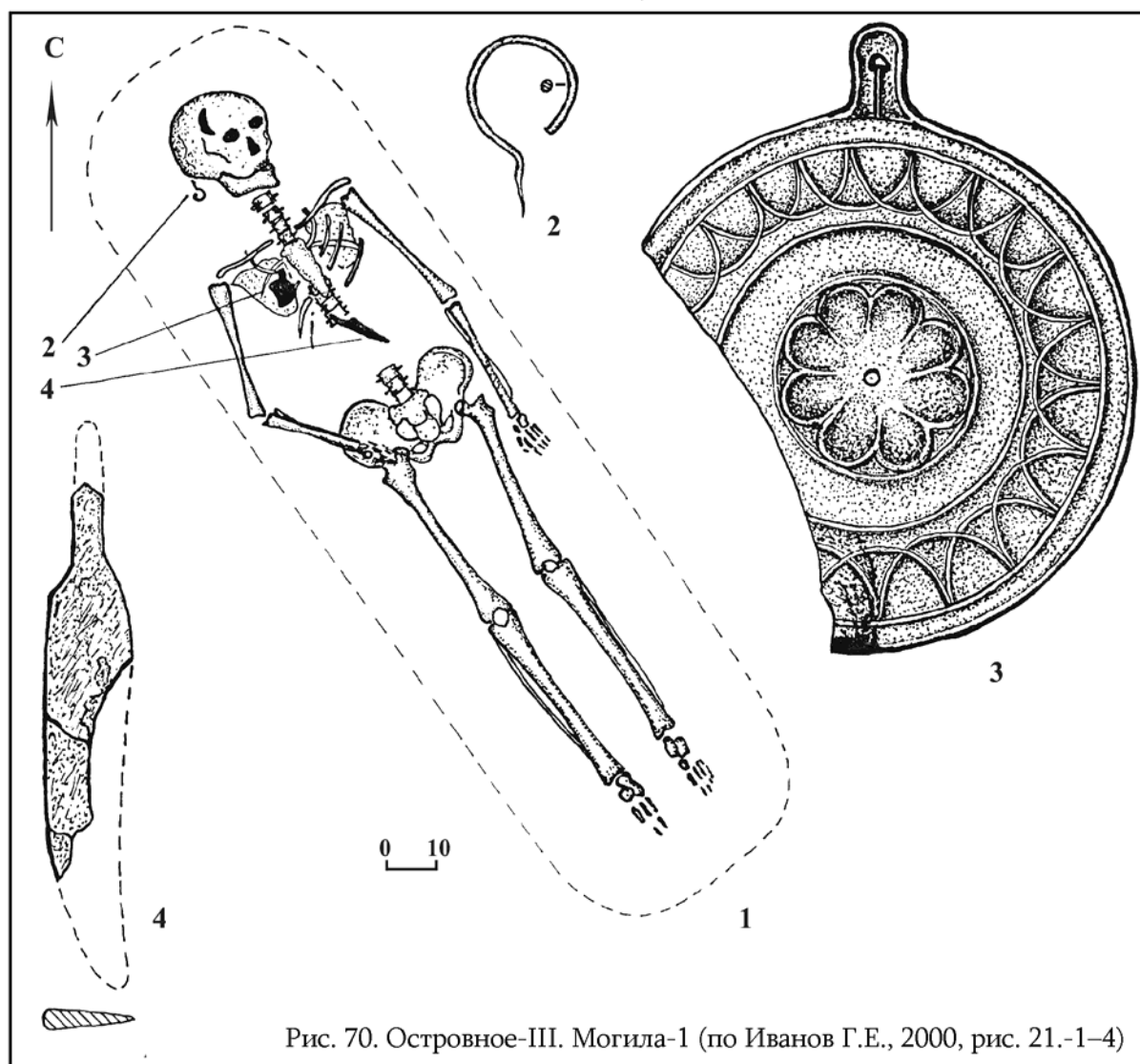

Рис. 70. Островное-III. Могила-1 (по Иванов Г.Е., 2000, рис. 21.-1–4)

Справа на ребрах (под ключицей) найден крупный фрагмент металлического зеркала (рис. 70.-3; фото 11 и 12 на цветной вклейке), лежавшего орнаментированной стороной вверх, маленькой ручкой с петелькой к голове. Зафиксированы фрагменты кожаного чехла, «...подбитого тонким войлоком коричневато-рыжего цвета» (Иванов Г.Е., 2000, с. 55). Исходя из расположения зеркала автор раскопок предположил, что его носили в подвешенном виде, на шнурке, который завязывали вокруг шеи. Серьга в виде знака вопроса из белой металлической проволоки (рис. 70.-2) обнаружена с правой стороны у черепа. Железный нож плохой сохранности (рис. 70.-4) лежал на позвоночнике.

Материалы исследованного погребения опубликованы (Иванов Г.Е., 1999; 2000). Они использовались при изучении как погребальных комплексов развитого средневековья (Мерц В.К., Тишкин А.А., 2000, с. 239; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 28), так и отдельных находок из них (Тишкин А.А., 2006б; 2009б). По найденным в могиле вещам (металлическое зеркало, серьга, железный нож) погребение с Островного-III датировано 2-й половиной XIII – 1-й половиной XIV в., «...то есть монгольском или золотоордынским временем» (Иванов Г.Е., 2000, с. 55). Исследованное захоронение, по мнению Г.Е. Иванова (1999, с. 151), было, по всей видимости, не единственным. Неподалеку от него обнаружены другие средневековые вещи: фрагмент керамики и железный предмет. Исходя из приведенного сообщения, на дюне у оз. Большое Островное мог располагаться могильник монгольского периода.

Наибольшее значение среди обнаруженного инвентаря имеет часть металлического зеркала, описание которому дал автор раскопок Г.Е. Иванов (1999, с. 149, рис. 1.-3):

«Медалевидное зеркало из белого металла имеет маленькую ручку-петельку с отверстием, с тыльной стороны обведенную по краю рельефным валиком. Такой же валик спускается от отверстия к диску по центру петельки. Обратная сторона диска украшена рельефным орнаментом из четырех кругов. Между вторым и третьим кругами арочный орнамент – перекрывающиеся друг друга полукружия. Центральный круг занимает восьми-лепестковая розетка с точкой в центре. На противоположной от ручки кромке диска – следы обрубленного литника. Диаметр диска 7,6 см, толщина – 1,2 мм. Справа внизу кромка отломлена. Лицевая сторона отполирована, местами сохранила блеск и сейчас местами покрыта зелеными окислами».

Спектральный анализ пробы, взятый автором монографии от зеркала, был осуществлен в Лаборатории минералогии и геохимии ТГУ: Cu – >5; Sn – 2; Pb – >>1; Zn – >1; As – 0,04; Bi – 0,015; Fe – 0,01; Ca – 0,01; Sb – 0,005; Si – 0,005; Ag – 0,005; Co – 0,002; Mg – 0,001; Ni – 0,0008; Ti – 0,0007; Ge – 0,0006; In – 0,0006; Mn – 0,0005 (в весовых процентах). Полученный результат демонстрирует медно-оловянно-свинцово-цинковый сплав. Зеркало из Островного-III обнаруживает аналогии с изделием, найденным в погребении последней трети XIII — начала XIV вв. н.э. Шидерты-IIIa (фото 13 на цветной вклейке) на территории Казахстана (Мерц В.К., Тишкин А.А., 2000). Еще совсем недавно подобные зеркала называли «серебряными», основываясь на их внешнем виде. Однако своеобразный цвет изделие приобрело, по всей видимости, благодаря существенному содержанию в сплаве прежде всего таких компонентов, как олово, свинец и цинк. Диаметр вещей из Островного-III и Шидерты-IIIa почти идентичен. Отличия имеются в оформлении арочного орнамента, в отсутствии «точечных» выпуклостей и в наличии дополнительного рельефного валика. Изделия, найденные на Южном Урале в курганах кыпчакского времени (XII–XIV вв.), также очень схожи с уже указанными образцами (Иванов В.А., Кригер В.А., 1999, рис. 4.-15(ДII); 11.-19; Кригер В.А., Железчиков Б.Ф., 1980, рис. 4.-1;

и др.). Аналогичное зеркало было обнаружено в ходе археологических раскопок могильника Бел-Саз-I на территории Внутреннего Тянь-Шаня (Табалдиев К.Ш., 1999, с. 78, рис. 1.-3). Имеются схожие предметы и в других местах бывшей Золотой Орды (Руденко К., 2004).

РУБЦОВСКИЙ. Памятник обнаружен в 1993 г. в ходе разработки глиняного карьера у одноименного поселка в Советском районе Алтайского края. Он находится на правом берегу р. Каменки (левый приток Катунь), в 2,5 км к северу-северо-востоку от окраины с. Советское. Памятник обследовали представитель НПЦ «Наследие» (Барнаул) М.Т. Абдулганеев (1998, с. 172–174) и местный краевед П.А. Пименов после того, как в музей районного центра с. Советское (Алтайский край) поступила веслообразная накладка от сложносоставного лука (рис. 71.-2). При осмотре карьера зафиксированы остатки двух могил и отмечено применение при захоронениях дерева и бересты. Там же были найдены обломки железных удил (?), кости людей и лошади, а также железное тесло (рис. 71.-1) в берестяном чехле. Глубина могил от современной поверхности составляла около 1 м. Удалось установить ориентацию сооружений. Одна могильная яма была оформлена длинной осью по линии ЮВ–СЗ, а другая – З–В. В могиле с удилами нетронутой оставалась затылочная часть черепа человека, что свидетельствовало, по мнению М.Т. Абдулганеева (1998, с. 173), об ориентации погребенного головой на запад. Анализ обнаруженного предметного комплекса позволил датировать обе могилы XIII–XIV вв. (Абдулганеев М.Т., 1998, с. 174).

РАЗДУМЬЕ-16. В 1966 г. при аварийных раскопках на кромке обрывистого берега были обнаружены и исследованы погребения (рис. 72.-1), которые относятся к эпохе средневековья (Уманский А.П., 1987; Памятники..., 1990, с. 47).

Могила-8. Прямоугольная яма размерами 1,6х0,55 м, глубиной 0,85 м от уровня современного горизонта была ориентирована по линии ЮЗЗ–СВВ. Могила оказалась перекрыта вдоль березовыми жердями, поверх которых лежала береста. На дне ямы на тонких поперечных плашках стоял «берестяной гроб», укрепленный изнутри по периметру тонкими плашками, поставленными на ребро. В нем находилась женщина (?) 18–20 лет монголоидного облика (рис. 72.-2). Она была положена на спину, вытянуто, головой на северо-восток-восток. Руки располагались вдоль тела. Сохранность скелета плохая, кости стоп выпали в обрыв. Лицевая часть черепа оказалась прикрыта куском неплохо сохранившейся грубой ткани, а труп умершей был либо обернут войлоком (кошмой), либо она похоронена в шерстяной одежде, от которой остался рыхлый тлен бурого цвета.

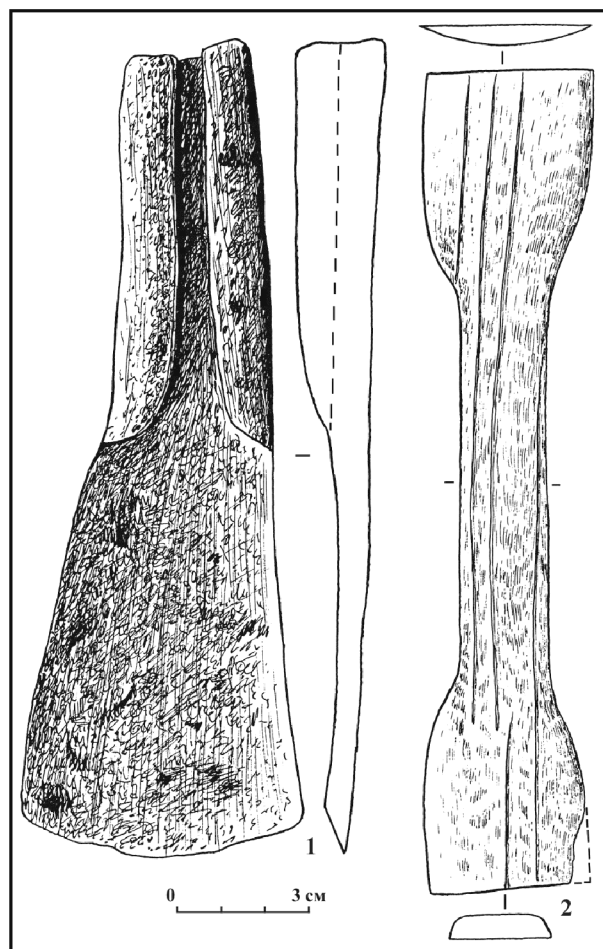

Рис. 71. Рубцовский. Находки из разрушенных могил: 1 – железное тесло; 2 – костяная накладка на лук (по: Абдулганеев М.Т., 1998, рис. 1.-1, 4).

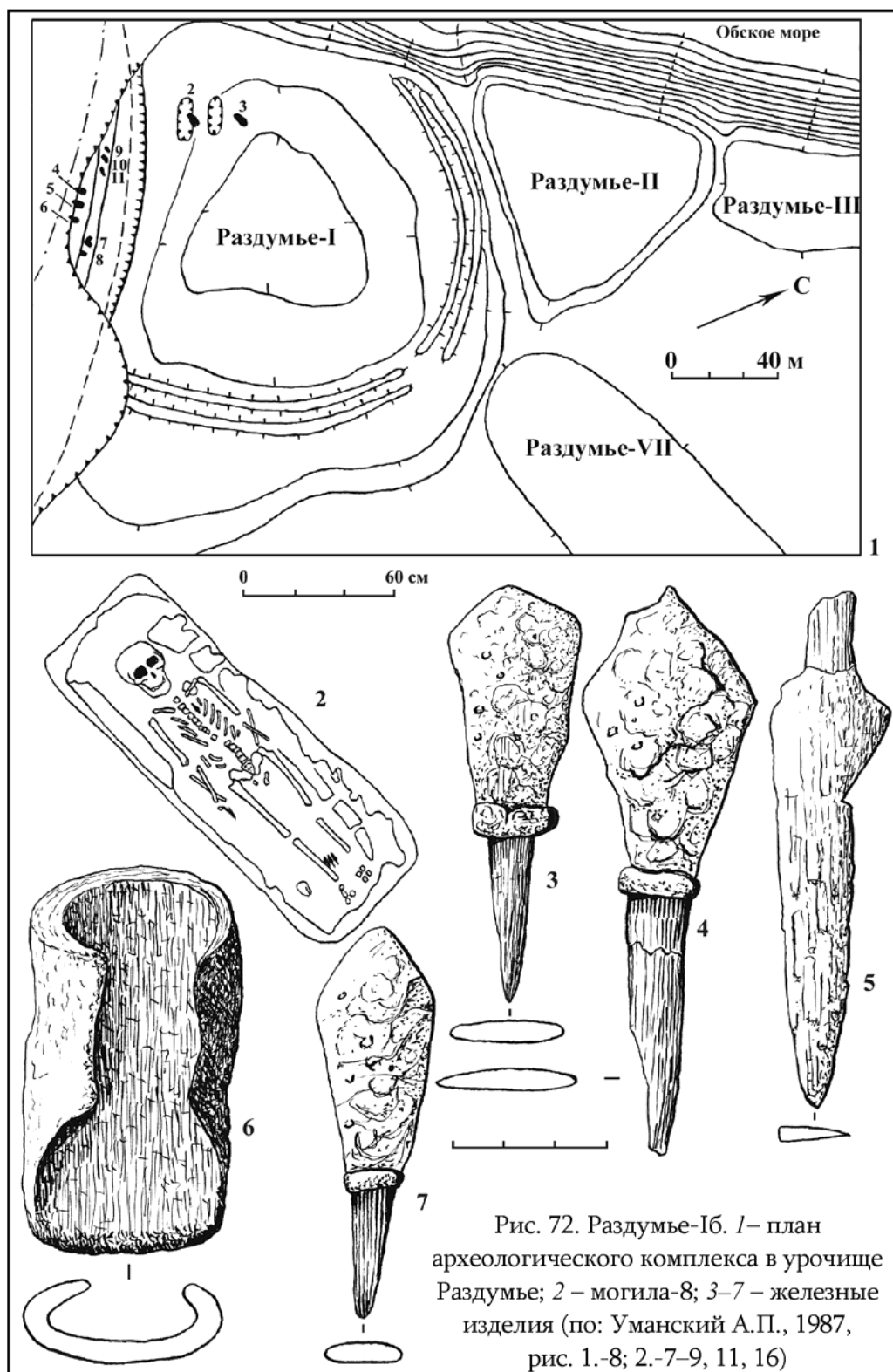

Рис. 72. Раздумье-Іб. 1 – план археологического комплекса в урочище Раздумье; 2 – могила-8; 3–7 – железные изделия (по: Уманский А.П., 1987, рис. 1.-8; 2.-7-9, 11, 16)

У правой кисти умершей лежал небольшой железный нож (рис. 72.-5), у берцовых костей правой ноги – «железный топор-керги» (рис. 72.-6). У правой стопы обнаружен черешковый костяной наконечник стрелы трехгранного сечения. Там же найдены два железных плоских вытянуто-ромбических наконечника стрел, еще один такой наконечник лежал у грудных позвонков (видимо, стрелы лежали в колчане оперенным в разные стороны, а колчан был положен поверх трупа) (рис. 72.-3-4, 7). В засыпке могилы оказался обломок затылочной кости взрослого мужчины, а также угольки, кусочки бересты и дерева (Уманский А.П., 1987, с. 89-91).

Могила-9 была обнаружена на кромке берега в аварийной части памятника (рис. 72.-1). Зафиксирована могильная яма прямоугольной формы, ориентированная длинными сторонами по линии ЮЮЗ–СВВ, размерами 1,5х0,6 м и глубиной 0,7 м от уровня погребенной почвы. Она была перекрыта жердями, уложенными вдоль, и берестой. В заполнении встречены угли. Дно могилы оказалось выстлано берестой. Обнаружено погребение ребенка 4–6 лет, который лежал на спине, головой на юго-запад–запад (Уманский А.П., 1987, рис. 5.-3). Руки были вытянуты вдоль туловища. Кости оказались плохой сохранности. С остатками скелета найдены куски грубоплетеной ткани и обрывки тонких кожаных ремешков. По мнению А.П. Уманского (1987, с. 91), труп был обернут тканью и обвязан ремешками.

Могила-10 обнаружена рядом с предыдущей (рис. 72.-1). Их перекрытия почти смыкались. Могильная яма также была прямоугольной формы и ориентирована длинными сторонами по линии ЮЮЗ–СВВ. Ее длина – 1,4 м, ширина – 0,5 м и глубина – 1,1 м от уровня древнего горизонта. Сверху могила оказалась перекрыта жердями, положенными вдоль сооружения. Сверху них находилась береста. В заполнении обнаружены угли, береста, кости животных. На дне ямы, в разных концах, поперек лежали две плашки, на которые укладывалась берестяная подстилка. Затем ставился «берестяной гроб ладьевидной формы». В нем вытянуто на спине, головой на юго-запад, лежал ребенок 4–5 лет. Руки были немного разведены в стороны. От скелета сохранилось несколько зубов, черепная крышка, длинные кости рук и ног. Кроме остатков грубой ткани, обнаружен железный ножичек и четыре астрагала (таранные кости мелкого рогатого скота. – А.Т.) (Уманский А.П., 1987, с. 91, 93).

Целый ряд обозначенных показателей погребального обряда, зафиксированных при раскопках могил-8–10 на памятнике Раздумье-Іб, а также найденные предметы находят аналогии в исследованных памятниках кармацкой культуры Лесостепного Алтая (Кунгуров А.Л., 1991; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., 2005; и др.). Следует указать, что в статье А.П. Уманского (1987), где кратко опубликованы материалы раскопок, отсутствует связь описания могилы-8 с приведенными рисунками, а также дана несколько противоречивая информация. План могилы-10 в публикации не представлен. Нет изображений некоторых находок. В связи с этим необходимо дополнительно изучить полевую документацию и коллекцию предметов для того, чтобы прояснить возникшие вопросы и полноценно использовать имеющиеся сведения для характеристики объектов культуры монгольского времени.

СУХИЕ ГРИВЫ. Памятник зафиксирован на раздуваемой песчаной дюне в одноименном урочище, которое располагается на правом берегу Оби напротив с. Вяткино (Фролов Я.В., 1999), примерно в 5 км по дороге в с. Клепиково. В 1969 г. Д.Г. Савинов раскопал там две могилы. Результаты этих исследований и вещи частично опубликованы. Тем не менее следует, на наш взгляд, данную информацию продублировать, чтобы иметь возможность представить более или менее целостную картину о могильнике монгольского времени для сравнения и реконструкции подобных погребальных комплексов, а также для упорядочения имеющихся сведений о памятнике Сухие Гривы. Д.Г. Савинов (1979), без учета объекта, ранее выявленного Н.Л. Членовой, Б.Х. Кадиковым и А.П. Марковым (Тишкин А.А., 2001б), дал собственную нумерацию могил. На дюне в урочище Сухие Гривы им были, как выше сказано, исследованы две могилы. Они фиксировались на глубине 0,6 м от уровня современной поверхности.

Могила-1 имела перекрытие из ряда тонких поперечных жердей, которые оказались сломанными, провалились внутрь и лежали непосредственно на погребенном. На дне ямы

находился скелет мужчины 40–50 лет. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Руки располагались вдоль туловища, а кисти находились ниже живота. С левой стороны зафиксирована сабля с напускным перекрестием и короткий черешковый нож. На фаланге пальца руки оказалось медное кольцо с овальным щитком. Между костей ног найдены астрагалы овцы и плоские железные наконечники стрел (рис. 73), обращенные остриями вниз. У юго-восточного края могилы на невысокой приступке лежали кольчатые удила и большая пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком (рис. 73.-9).

В могиле-2 не было никаких дополнительных сооружений, но рядом, с северной стороны, обнаружен череп лошади. В могильной яме находилась женщина (?) 25–30 лет. Она лежала вытянуто на спине, головой на северо-запад. Руки располагались вдоль туловища, а кисти находились ниже живота. В районе правого колена зафиксированы пять наконечников стрел (один из них трехгранный костяной), остриями вверх (рис. 73). Кроме этого, найден железный молоточек, а также костяное изогнутое изделие (рис. 73.-13). У ступней ног, на невысокой приступке, лежали железное стремя (рис. 73.-12) и «...обломок железной пластины, инкрустированный вставкой из мягкого зеленого камня, по форме напоминающий обкладку передней луки седла».

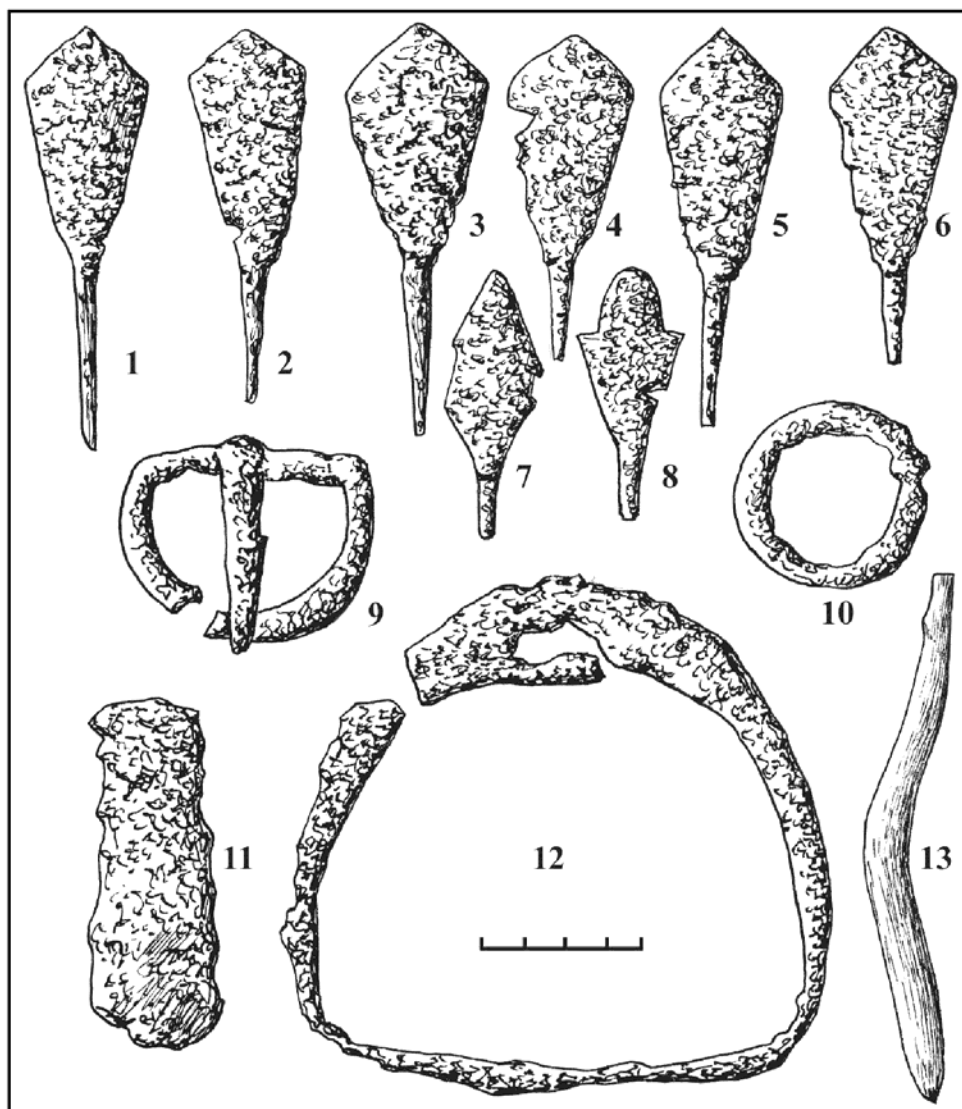

Рис. 73. Сухие Гривы. Материал из могил-1 и 2 (1–12 – железо; 13 – кость)
(по: Савинов Д.Г., 1979, рис. 3)

По форме стремени и типам наконечников стрел («плоские ромбические, типа срезней – один кунжутолистный») могильник Сухие Гривы датирован автором раскопок XIII–XIV вв. Отмечено, что могилы одинаковы по обряду погребения и составу сопроводительного инвентаря. По мнению Д.Г. Савинова (1979, с. 69–71), они оставлены, вероятно, какой-то восточной группой, входившей в состав кыпчакского объединения и продолжавшей жить там и в монгольское время. Кратко представленные результаты раскопок и фотография некоторых найденных предметов лишь частично отражают результаты осуществленных раскопок. Поэтому необходима полная публикация важных материалов, которые дополнят характеристику кармацкой культуры Лесостепного Алтая монгольского времени.

Могила-3. В первой главе данной монографии уже было отмечено, что в Бийском краеведческом музее хранится коллекция №197 с предметным комплексом монгольского времени (XIII–XIV вв.). Вместе с находками в лотке лежит листок бумаги с записями следующего содержания: «Материалы из погребения, собранные на дюне у с. Камышенка напротив с. Вяткино. 1969 г. Кадиков Б.Х., Членова Н.Л., Марков А.П.

- 1) железных стремян – 2;
- 2) железных наконечников стрел – 5;
- 3) железный нож – 1;
- 4) костяные детали рукояти ножа – 3;
- 5) железное кольцо – 1;
- 6) серьги медные – 2;
- 7) керамика – 8;
- 8) зубы и кости человека – 8.

ИТОГО: 29».

В Книге №2 описи коллекций (инв. №240) приводятся сведения о заинвентаризированных позже предметах. Там, в частности, дана такая информация: «Материалы с погребения, собранные у с. Камышенка напротив с. Вяткино. 1969 г. Кадиков Б.Х., Марков А.П., Членова Н.Л.

- №1–30 – окислившиеся обломки железных вещей;
№31–42 – окисленные железные обломки двулопастных стрел с черенками;
№43 – обломок древесины;
№44–46 – железное кольцо, $d \approx 5$ см, толщ. 8–10 мм;
№47–48 – обломки железных предметов;
№49 – обломок железного ножа;
№50–52 – составные части рукояти ножа из рога оленя;
№53–56 – обломки стремян с овальной площадкой;
№57 – обломок удил;
№58–63 – кости человека;

№64 – фрагмент керамики, орнаментированный зубчатым штампом, распол. вдоль суда и поперек;

- №65 – фрагмент венчика с гориз. срезом;
№66–70 – фрагменты керамики орнам.;
№71–72 – медные кольчатые серьги;
№73–75 – зубы человека».

Приведенные выше данные при внимательном сравнении несколько отличаются друг от друга, так как они составлялись в разное время и разными сотрудниками музея.

В декабре 1997 г. коллекция №197 осматривалась автором монографии. В связи с тем, что многие вещи находились в плохом состоянии и требовали скорейшей консервации, то, по договоренности с руководством БКМа, предметный комплекс, обнаруженный в свое время на памятнике Сухие Гривы, был передан по акту на временное хранение в Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ. В течение 1998 г. железные изделия из коллекции тщательным образом осматривались, очищались от грязи и бесформенных окислов, склеивались, а затем покрывались лаковым коллоксилином. Всю кропотливую работу, связанную с реставрацией и консервацией предметов, проделал тогдашний директор МАЭА АлтГУ В.В. Горбунов, а рисунки восстановленных вещей выполнил И.А. Чудилин. После этого находки были возвращены в БКМ, где ныне и находятся. В процессе осуществления мероприятий, связанных с изучением предметного комплекса коллекции №197, получены следующие результаты в соответствии с их музейной и графической фиксацией:

- 1) железный наконечник стрелы с обломанным черешком (колл. №197/31) – рис. 74.-1;
- 2) железный наконечник стрелы с обломанным пером и черешком (колл. №197/32) – рис. 74.-2;
- 3) фрагмент железного наконечника стрелы (колл. №197/33) – рис. 74.-3;
- 4) фрагменты железного наконечника стрелы (колл. №197/24, 34) и черешок (колл. №197/41) – рис. 74.-4, 8;
- 5) крупный фрагмент железного наконечника стрелы (колл. №197/38) и черешок (колл. №197/39) – рис. 75.-5, 9;
- 6) железный наконечник стрелы с обломанным пером и черешком (колл. №197/27, 36, 40) – рис. 74.-10;
- 7) фрагменты железных предметов, возможно, от наконечников стрел (колл. №197/35, 37) – рис. 74.-6–7;
- 8) железный нож с обломанным клинком и череном (колл. №197/49); на нем местами сохранились «прикипевшие» фрагменты от деревянных ножен и рукояти – рис. 74.-15;
- 9) три изделия из рога (колл. №197/50–52), которые отнесены находчиками к деталям рукояти ножа, – рис. 74.-12–14;
- 10) железное кольцо (колл. №197/44,45) с внешним диаметром около 5 см, внутренним – около 3 см – рис. 74.-11;
- 11) два фрагмента (колл. №197/46, 57), вероятно, от железного кольца, аналогичного предыдущему, – рис. 74.-17;
- 12) железное стремя, склеенное из имевшихся фрагментов (колл. №197/2, 29, 53–54, 56 и др.) – рис. 75.-1;
- 13) остатки железного стремени, реконструированного по частично сохранившимся более или менее крупным обломкам (колл. №197/ 1, 10–11, 23, 28, 30, 55), – рис. 75.-2;
- 14) фрагмент дерева, размером 3,1х1,1 см (колл. №197/43), возможно, происходит от ножен или основы седла – на рисунках не представлен;
- 15) фрагменты железных предметов, два из которых (колл. №197/47–48) имеют следы от ткани, «прикипевшей» в процессе коррозии, – рис. 74.-16, 18;
- 16) бронзовые серьги (колл. №197/71–72), одно изделие сохранилось полностью, а у другого отсутствует небольшой фрагмент – рис. 74.-19–20;
- 17) фрагменты керамики (колл. №197/64–70); происхождение их трудно связать с погребением, часть из них явно от одного сосуда – в данной монографии на рисунках не отражены, так как, скорее всего, к монгольскому времени они не относятся;
- 18) зубы человека.

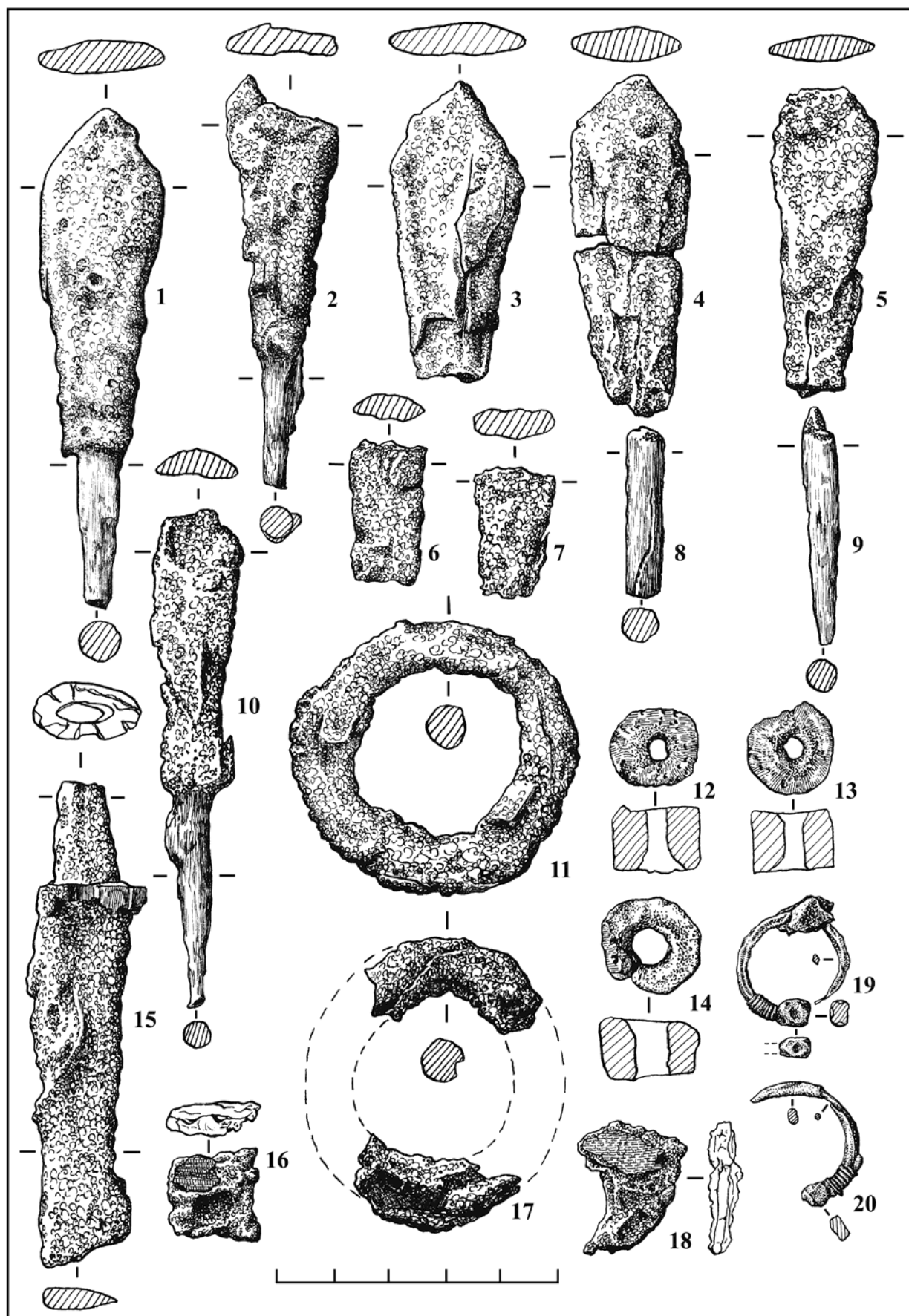

Рис. 74. Сухие Гривы. Находки из могилы-3: 1-2, 8-9, 10, 15 – железо, дерево; 3-7, 11, 17 – железо; 12-14 – рог; 16-18 – железо, ткань; 19-20 – бронза, камень

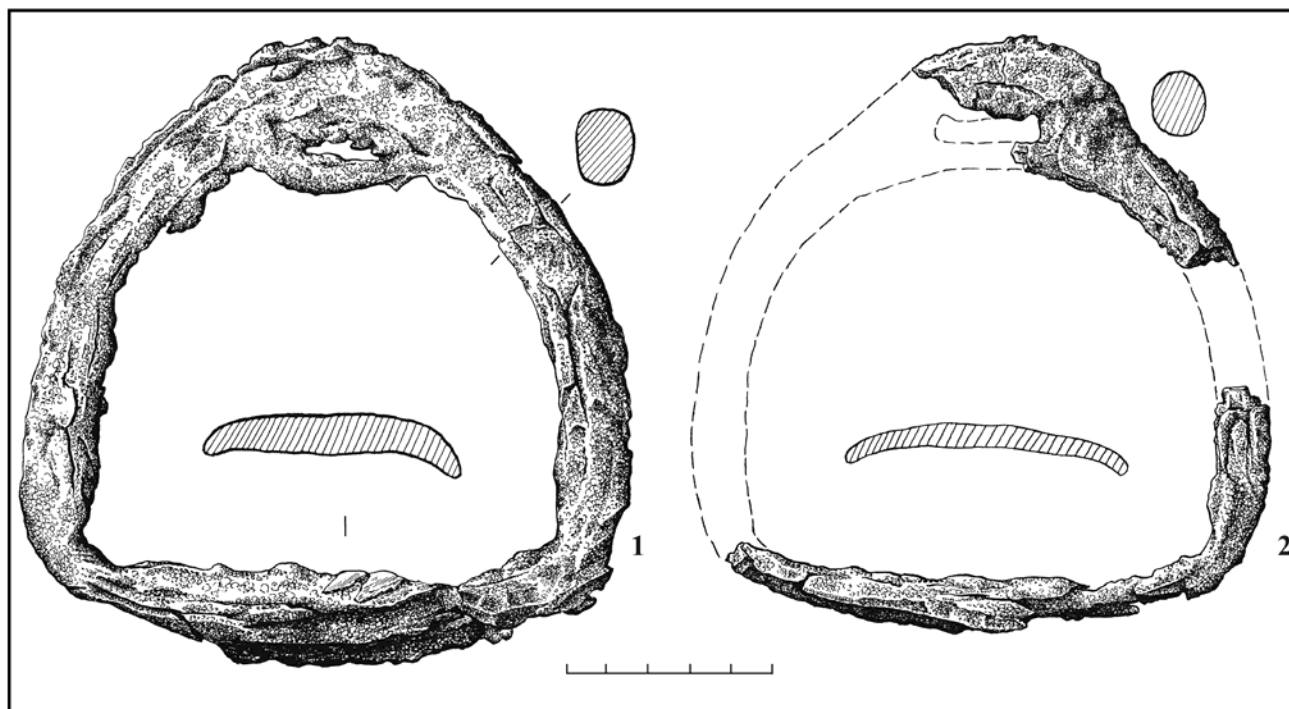

Рис. 75. Сухие Гривы. Могила-3. Железные стремена

Таким образом, сохранившийся погребальный инвентарь из могилы, обнаруженной на памятнике Сухие Гривы, был представлен бронзовыми серьгами, железными наконечниками стрел (не менее шести), ножом с наборной рукояткой и ножнами из дерева, стременами и кольцами от седла. Краткие сведения о найденной могиле опубликованы Н.Л. Членовой (1970).

В результате на грунтовом могильнике, за которым закрепилось название Сухие Гривы, было найдено и исследовано три могилы монгольского времени. В связи с тем, что Д.Г.Савинов (1979) опубликовал описание исследованных погребений и дал им обозначение под номерами 1 и 2, то автором монографии было предложено закрепить за обнаруженной Н.Л. Членовой, Б.Х. Кадиковым и А.П. Марковым могилой номер «3», чтобы не было путаницы с уже введенной в научный оборот информацией (Тишкин А.А., 20016).

В 1982 г. отряд под руководством В.Б. Бородаева и при участии Б.Х. Кадикова раскопал еще одну могилу, которой есть смысл присвоить номер «4».

Могила-4. Умерший лежал в грунтовой яме вытянуто на спине, головой на запад-северо-запад. Руки располагались вдоль туловища, а кисти лежали ниже живота. В районе тазовых костей был найден железный нож, длиной 10 см, в деревянных ножнах. Материалы не опубликованы.

Исследованные на памятнике Сухие Гривы могилы, несомненно, датируются XIII–XIV вв. Об этом хорошо свидетельствуют обнаруженные предметы вооружения (Горбунов В.В., 2006) и зафиксированные особенности погребальной практики (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; и др.). Необходимо еще раз указать на важность публикации не введенных в научный оборот материалов интересующего нас периода средневековой истории.

ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-I. В течение ряда лет, с 1993 по 1998 г. и позже, экспедиция-ми Алтайского госуниверситета исследовался комплекс разновременных археологических объектов на обозначенном памятнике, который находится около с. Елунино в Павловском

районе Алтайского края (Казаков А.А., Тишкин А.А., 1997; Тишкин А.А., Казаков А.А., Горбунов В.В., 1997; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1998; и мн. др.). В ходе работ было раскопано 10 захоронений монгольского времени. Следует сразу же указать на то, что все курганы, находившиеся на высоком мысу левого коренного берега Оби (рис. 76), были ранее разграблены. Тем не менее зафиксированные данные позволяют определить необходимые характеристики для их сравнения с аналогичными параметрами погребальных памятников монгольского времени не только сопредельных, но и отдаленных регионов Евразии.

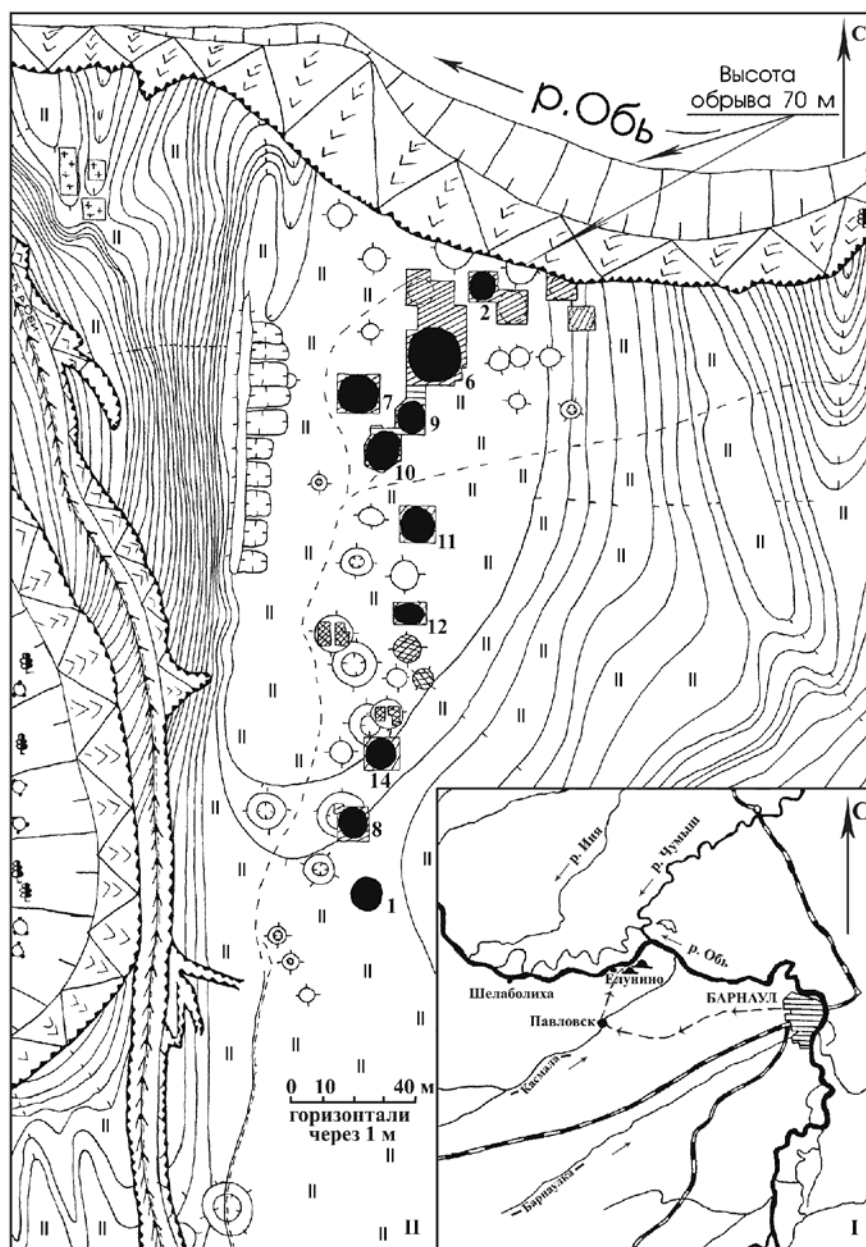

Рис. 76. Телеутский Взвоз-I. Схема расположения памятника (I) и план курганный группы (II) (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, рис. 1)

В связи с тем, что средневековые материалы памятника Телеутский Взвоз-I опубликованы отдельной монографией (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002), стоит остановиться лишь на частных характеристиках и более подробно изложить специфические аспекты.

Планиграфические особенности формирования разнотипного комплекса на памятнике Телеутский Взвоз-I в общем виде уже рассматривались (Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000). Теперь остановимся на конкретных зафиксированных свидетельствах. Курганы монгольского времени располагались почти по центру мыса неровной цепочкой по линии Ю–С (рис. 76). В связи с тем, что Обь интенсивно подмывает эту часть берега, не исключена вероятность разрушения ряда таких объектов до момента проведения исследований. Учет данного обстоятельства важен еще при определении центра и периферии некрополя, а также для выяснения последовательности и причин формирования зафиксированного порядка расположения объектов.

Можно отметить ряд наблюдений, требующих, конечно, дополнительного и развернутого анализа. Одним из самых крупных по размерам насыпи был курган №6, в котором зафиксированы останки погребенного мужчины 35–40 лет (все половозрастные определения сделаны Д.В. Поздняковым). Рядом с ним, в юго-западном (три) и в северо-восточном (один) направлении, размещались четыре меньших объекта, образуя компактную группу. Остальные курганы находились на разном отдалении к югу и отражали иной процесс дальнейшего оформления могильника. С учетом уже разрушенной части мыса отмеченная группа могла быть в центре площадки, удобной для реализации захоронений. И, с точки зрения здравой логики, продолжение формирования некрополя должно было осуществляться к югу, так как в северном направлении существовала опасность уничтожения погребений в ходе подмыва берега рекой. Таким образом, можно с большой долей уверенности предполагать, что южные курганы устраивались несколько позднее, чем курган №6. Если исходить из данного заключения, то можно наметить время их сооружения относительно самого крайнего объекта №1, который датируется по находке там обломка бронзового зеркала последней трети XIII – началом XIV в. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 100).

Надмогильные сооружения. В свое время Г.А. Федоров-Давыдов (1984, с. 98) в одной из своих статей о кургане XIV в. из Нижнего Поволжья обозначил такую исследовательскую задачу: «Наше старое представление о курганах кочевников как о простых насыпях над могилой должно быть пересмотрено». Соглашаясь с таким подходом, попытаемся обозначить конструктивные особенности рассматриваемых надмогильных сооружений.

Курганы до раскопок представляли собой расплывшиеся земляные насыпи разных, в плане контура, конфигураций (округлая, овальная, аморфная) с фиксируемыми западинами и грабительскими выбросами. Средние размеры таких примерно одинаковых объектов следующие: диаметр – около 10 м, а высота – 0,3 м (наименьший показатель – 8 м (курган №1), наибольший – 14 м (курган №10), при высоте от 0,2 до 0,5 м). На этом фоне выделяется уже указанный курган №6, диаметр земляной насыпи которого составил 20 м при высоте 0,57 м, т.е. почти в два раза больше других объектов.

Особенностью надмогильной части исследованных курганов являются обнаруженные при снятии земляных насыпей остатки деревянных сооружений в курганах №6, 8, 9, 11 (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002). В других раскопанных объектах такие свидетельства четко не зафиксированы вследствие сильных повреждений в ходе грабительских проникновений. Однако при этом не стоит исключать вероятность их наличия, на что косвенно указывают найденные в заполнениях могил многочисленные фрагменты сгнившей древесины. На основе анализа имеющихся данных представляется возможность реконструировать общий вид надмогильного сооружения. Оно имело прямоугольную раму из нетолстых бревен. Продольные стенки состояли из двух венцов, а поперечные – из одного. Рама была

сделана в виде сруба с применением характерного строительного соединения, при котором поперечное бревно помещалось между двумя продольными в специально сделанные пазы. Внутренняя площадь получившейся конструкции затем была заполнена досками. Такое деревянное сооружение находилось в центре кургана. Оно устанавливалось над могилой на уровень поверхности площадки, подготовленной для реализации погребения, а затем засыпалось земляной насыпью. Размеры описанной конструкции в кургане №8 такие: длина – 4 м, ширина – 2,5 м. Зафиксированная ситуация весьма специфична для погребальных памятников монгольского времени, и ей пока не найдено аналогий на Алтае. Тем не менее устройство простых деревянных надмогильных перекрытий, например из поперечно уложенных жердей или плах, имело место и было довольно широко распространено в эпоху развитого средневековья (см., например: Могильников В.А., 1981, с. 194).

Могила и внутримогильные сооружения. Для погребения умершего человека выкапывалась могильная яма, которая, как правило, оформлялась с одной ступенькой у длинной стороны. Отмечены случаи отсутствия такой конструктивной особенности. Однажды зафиксирован небольшой подбой. Глубина могилы отмечалась для надежности параметра от материка. В результате средний и часть основных показателей составили около 0,78 м при разбросе остальных данных от 0,4 до 0,92 м. В общем могилы можно характеризовать как неглубокие. Размеры длины и ширины выкопанных ям, несмотря на грабительские повреждения, между собой схожи, а средние параметры их можно обозначить так: 2,6х1,4 м. Опять же выделяется из общей массы курган №6, где такие показатели наибольшие – 3х1,9 м. Ориентация исследованных могил имеет в основном широтное направление (З–В). Зафиксированные показатели ЮЗ–СВ и ЮВВ–СЗЗ хорошо демонстрируют сезонные отклонения точек восхода и захода солнца, при учете которых, вероятно, совершались захоронения.

При схожих параметрах ям наблюдалась вариабельность особенностей внутримогильных сооружений. Они представлены перекрытиями, образовывавшими вместе со ступеньками и подбоем своеобразные камеры. Перекрытия делались из жердей, досок, горбылей и другого древесного материала, который укладывался на ступеньку поперек могилы. В некоторых объектах четко зафиксировать наличие остатков таких конструкций не удалось по причине сильных разрушений. Погребальные лежа представляли собой ящики из досок, а также выдолбленные из ствола дерева колоды с крышкой или без нее (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002). Они устанавливались на поперечные подставки в виде брусков или жердочек, равномерно положенных на дно могилы с учетом длины погребальной конструкции. Замечено, что чаще всего именно в ящиках хоронили мужчин. Это согласуется с зафиксированной погребальной практикой собственно монгольских племен (Максимова А.Г., 1965; Баяр Д., 2000; Ефимов К.Ю., 2000; и др.), представители которых могли появиться в Приобье в результате завоевательных операций и оформления государственности Золотой орды.

Положение, ориентация и инвентарь погребенных. Несмотря на разграбленность курганов, все же удалось получить достаточное количество материалов для характеристики и анализа указанных показателей. Поэтому можно уверенно считать, что все погребенные были уложены вытянуто на спину. Ориентация их варьирует в пределах отклонений точек восхода и захода солнца в разное время года (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985). Имеющиеся показатели выглядят следующим образом. Головой на юго-запад лежали пятеро, на запад – трое и на северо-запад-запад – двое умерших. Таким образом, показатели ориентации довольно стабильны и указывают на западный сектор.

Обнаруженный в могилах предметный комплекс (рис. 78–83; фото 14, 16, 19, 20 на цветной вклейке) довольно четко отражает половозрастную структуру изучаемого общества. Это особенно ярко проявляется в специфике набора вещей у погребенных мужчин и женщин. Так, для последних наиболее характерны украшения, предметы быта, орудия труда. Ничего другого обнаружено не было. В погребениях мужчин зафиксированы снаряжение верхового коня, вооружение (см. в настоящей монографии рис. 5–8), орудия труда и предметы быта. Следует отметить такой момент. Мужчине, умершему в возрасте 50–55 лет, в могилу не положили вооружение, хотя все остальные атрибуты имелись. Указанные показатели дают возможность для дальнейшего анализа намеченной социальной реконструкции.

Выявленные особенности погребальной практики свидетельствуют о наличии как минимум двух составляющих ее компонентов: пришлый (мужской) и, вероятно, местный (женский). Это положение подкрепляется выводами антрополога Д.В. Позднякова (2002; 2006), изучившего черепа людей, погребенных в средневековых курганах памятника Телеутский

Взвоз-I. В пользу такого заключения свидетельствуют письменные данные об этнополитической ситуации в монгольский период, а также имеющиеся археологические материалы.

Прежде чем перейти к более подробной интерпретации некоторых предметов, обнаруженных в ходе раскопок курганов, нужно отметить, что летом 2002 г. в ходе дальнейшего исследования комплекса Телеутский Взвоз-I, кроме археологических объектов ранней бронзы, было обнаружено своеобразное захоронение ребенка в берестяном коробе, получившее обозначение как *объект №11* (Тишкин А.А., Грушин С.П., 2002).

Могила размерами 1,2х0,6 м, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ, зафиксирована на глубине 0,5 м от современной поверхности. В ней находились остатки березовых бревен диаметром 0,1–0,15 м. В процессе расчистки южная стенка могилы расширилась на 0,3 м. Захоронение ребенка в берестяном коробе обнаружилось в южной половине ямы. Оно было отделено от бревен стенкой высотой 0,2 м, сооруженной из вертикально поставленных деревянных досок. Данная ситуация свидетельствовала о том, что захоронение сооружено в небольшом подбое, который затем был заложен досками и бревнами.

В берестяном коробе лежал ребенок. Он находился на левом боку со слегка согнутыми в коленях ногами, головой на юго-запад. Никакого сопроводительного инвентаря в погребении не обнаружено. Останки умершего были перекрыты «покрывалом», сделанным из листа бере-

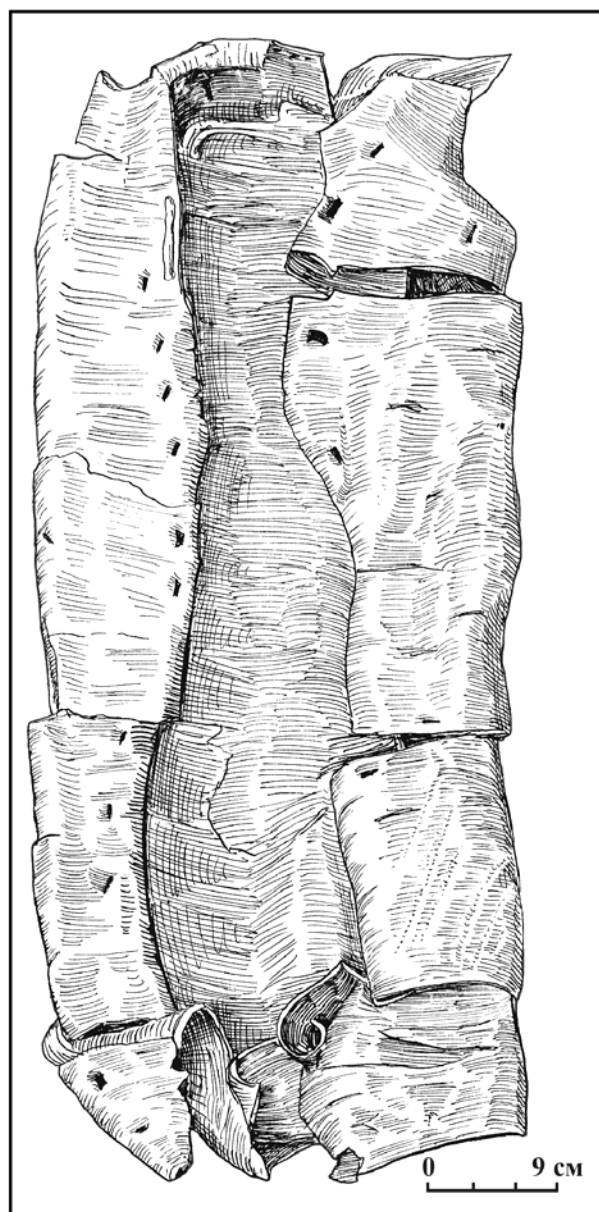

Рис. 77. Телеутский Взвоз-I. Объект №11. Остатки бересты от погребальной камеры

сты. Короб четырехугольной формы размерами 0,8х0,3 м имел высоту 0,25 м. Со временем он деформировался и стал уплощенным (рис. 77). По краю короба отмечены отверстия, в которых в отдельных случаях зафиксированы остатки веревки из растительных волокон, скреплявшей короб. Сверху конструкция была перекрыта берестяной крышкой.

Вещей в погребении, как уже отмечалось выше, не обнаружено, поэтому о датировке данного захоронения трудно судить. Однако местонахождение исследованного объекта между курганов монгольского времени, внутримогильное устройство и юго-западная ориентация, позволили предварительно датировать детское погребение в берестяном коробе XIII–XIV вв. (Тишкин А.А., Грушин С.П., 2002, с. 467). Подобные объекты исследовались А.П. Уманским (1987) на памятнике Раздумье-1б. Они также отнесены к монгольскому времени. Однако не исключены более поздние даты. Такие захоронения широко известны по этнографическим данным у различных народов Сибири.

Среди предметного комплекса, обнаруженного в средневековых курганах на памятнике Телеутский Взвоз-I, выделяются изделия из кости и рога (рис. 78 и 79). В сильно разграбленном захоронении кургана №6 обнаружены разрозненные скульптурные изображения копытных животных (рис. 78.-1–2) и полумесяца (рис. 78.-10), назначение которых сразу определить было затруднительно. Там же найдены роговые накладки 8-видной формы (рис. 78.-6–7).

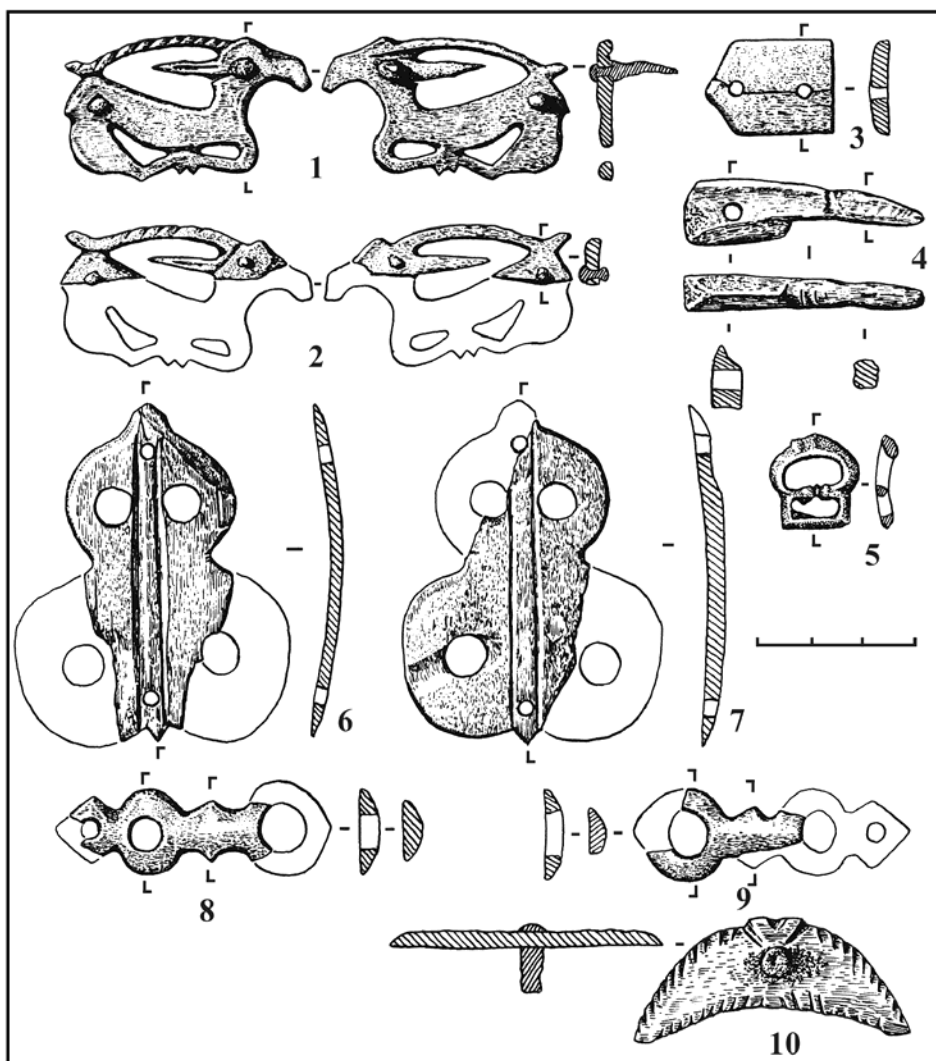

Рис. 78. Телеутский Взвоз-I. Курган №6. Изделия из бронзы, рога и кости. 1–2, 10 – рог, железо; 3–4, 6–9 – рог, кость; 5 – бронза (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, рис. 13)

При исследовании кургана №14 в нетронутой части могилы, за деревянным ящиком, найдены принадлежности снаряжения верховой лошади. Кроме удил и стремян, зафиксировано скопление деталей от седла: костяные накладки в виде антилопы (рис. 79.-4), полумесяца (рис. 79.-6) и диска (рис. 79.-7) с металлическими гвоздиками для крепления, а также железные детали с кольцами. Эти материалы и привлеченные аналогии позволили выполнить реконструкцию (рис. 7.-2; графическая работа выполнена В.В. Горбуновым), на которой найденные вещи заняли свои места. В результате оказалось, что зафиксированные скульптурные изделия относятся к украшениям передней луки седла.

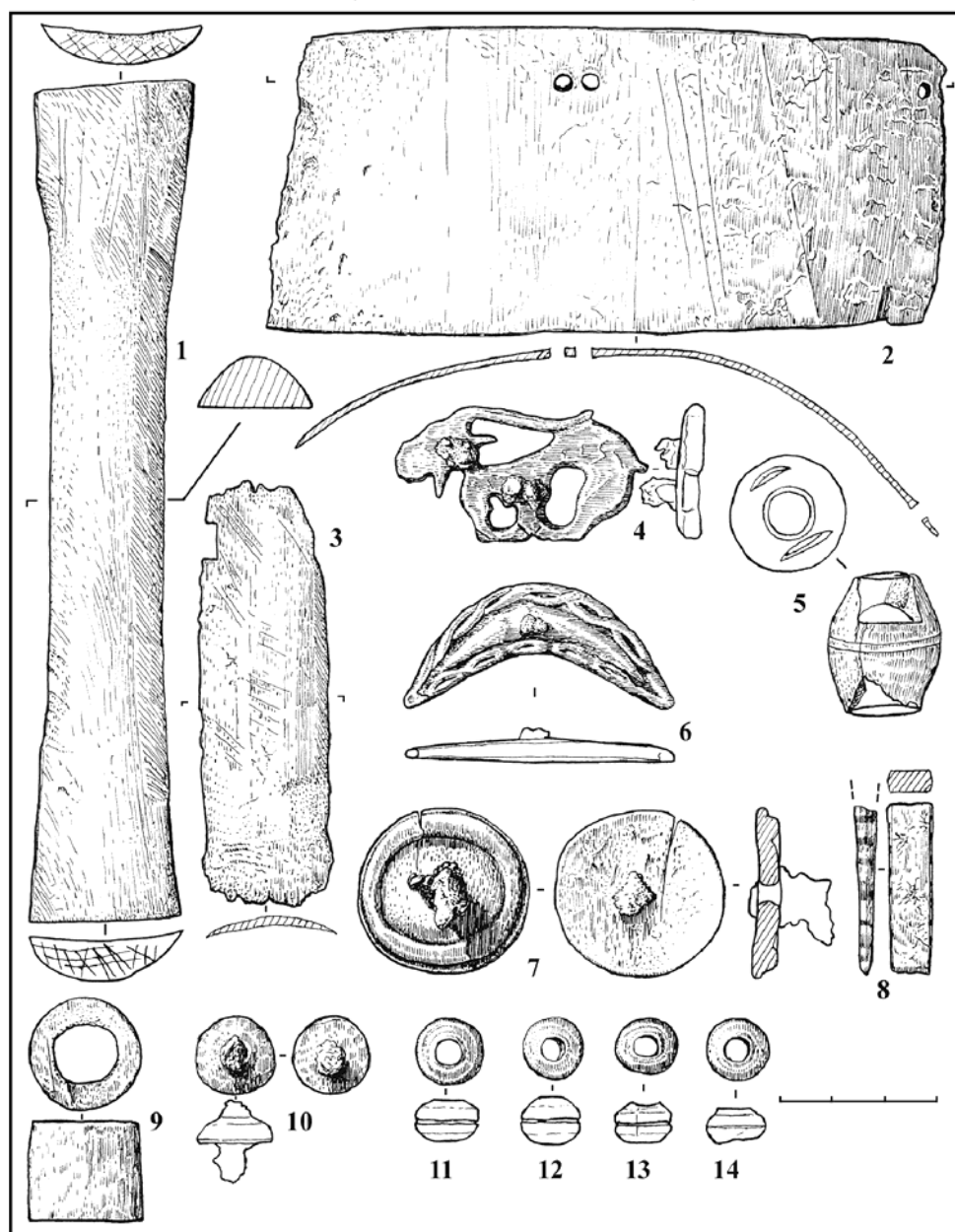

Рис. 79. Телеутский Взвоз-I. Изделия из рога и кости, обнаруженные в курганах №11 (9-14), 12 (2-3, 5, 8-9), 14 (1, 4, 6-7) (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, рис. 47.-8-12; 53.-1-2, 13-15; 61.-1).

Семантика выявленных композиционных построений не рассматривалась, но совершенно понятно, что для них использовались изображения не только декоративно-прикладного, но и символического характера. Единственное на что нужно указать – это повторение сю-

жета в двух случаях (курганы №6 и 14) и различие деталей оформления схожих предметов (Тишкин А.А., 2002б). Среди аналогий скульптур, изображающих антилоп, стоит отметить костяное изделие из собрания П.К. Фролова, которое хранится в Государственном Эрмитаже (колл. №1122). Их сближают поза и некоторые детали оформления.

Кроме указанных украшений седел, в курганах монгольского времени на Телеутском Взвозе-I обнаружены другие детали и предметы, сделанные из кости или рога (рис. 78.-3-9; 79.-1-3, 5, 8-14). Найденный костяной язычок (рис. 78.-4) являлся важной частью пряжки. Аналогичный предмет зафиксирован в могиле-18 памятника Осинки и представлен выше (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, табл. XXVI.-6). Подобные изделия использовались для изготовления подпружных (Ефремов С.А., 1998, рис. 4.-8) и других пряжек. Обнаруженный обломок костяного изделия (рис. 79.-8) с большой долей вероятности можно считать черешком костяного наконечника стрелы. Такие орудия охоты часто использовались в монгольское время и зафиксированы на многих памятниках Лесостепного Алтая. Назначение кольца-втулки (рис. 79.-9) определить сложно. Находки, обнаруженные на памятнике Сухие Гривы, рассматриваются в качестве деталей наборной рукояти ножа (Тишкин А.А., 2001б, рис. 4.-10-12). Не исключая этого же, можно предполагать и другое применение такой вещи. Например, аналогичное костяное кольцо, обнаруженное в могиле-68 памятника Осинки, рассматривается как возможная деталь колчана (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 18). Труднее определить назначение у группы следующих публикуемых изделий (рис. 79.-9-14). Они могли использоваться, вероятно, в качестве застежек разного плана. К предметам конского снаряжения относятся роговые блоки для чумбура (рис. 78.-8-9), а также наконечник ремня (рис. 78.-3). Остальные изделия связаны с предметами вооружения. Обнаруженная накладка весловидной формы (рис. 79.-1) сделана из плюсны лошади. Она является срединной тыльной деталью рукояти лука (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 85). Подобные изделия обнаружены на памятнике Осинки (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, табл. XX.-6; XXI.-10) и были распространены в монгольское время (Горбунов В.В., 2006, с. 26, рис. 9). Найденная свистунка (рис. 79.-5) для стрелы имеет бочковидную форму, два сегментовидных отверстия и две прочерченные по центру параллельные линии. Такие предметы нашли свое применение в монгольское время. Поэтому аналогии находке из Телеутского Взвоза-I можно найти в данной публикации. Детальми колчанов являются пластины (рис. 79.-2-3), выполненные из рога (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 89).

Исходя из изложенного можно сделать вывод о том, что в монгольское время широкое применение имели изделия из рога и кости. Они использовались в качестве предметов вооружения и различного снаряжения, а также украшений и разных функциональных деталей.

Следующие рассматриваемые предметы – зеркало и гребень (рис. 80) – происходят из кургана №1. Спектральный анализ зеркала из Телеутского Взвоза (фото 14 на цветной вклейке), осуществленный по отобранной пробе в Лаборатории минералогии и геохимии ТГУ (аналитик Е.Д. Агапова), продемонстрировал свинцово-оловянно-цинковый сплав, который оказался чрезвычайно необычным (Тишкин А.А., 2006б): Pb – >1; Sn – 0,5; Zn – 0,5; Cu – 0,1; Ba – 0,1; Si – 0,05; Bi – 0,03; Fe – 0,03; Sb – 0,005; Ag – 0,005; Al – 0,003; Ni – 0,002; Co – 0,001; Mg – 0,001; Ca – 0,001; Ga – 0,001; In – 0,0005 (в весовых процентах, т.е. сотая часть какой-либо массы: 1 вес.‰=10 кг/т). По всей видимости, в качестве образца попался фрагмент металла, в котором оказалось свинцовое вкрапление. Известно, что свинец в сплавах полностью

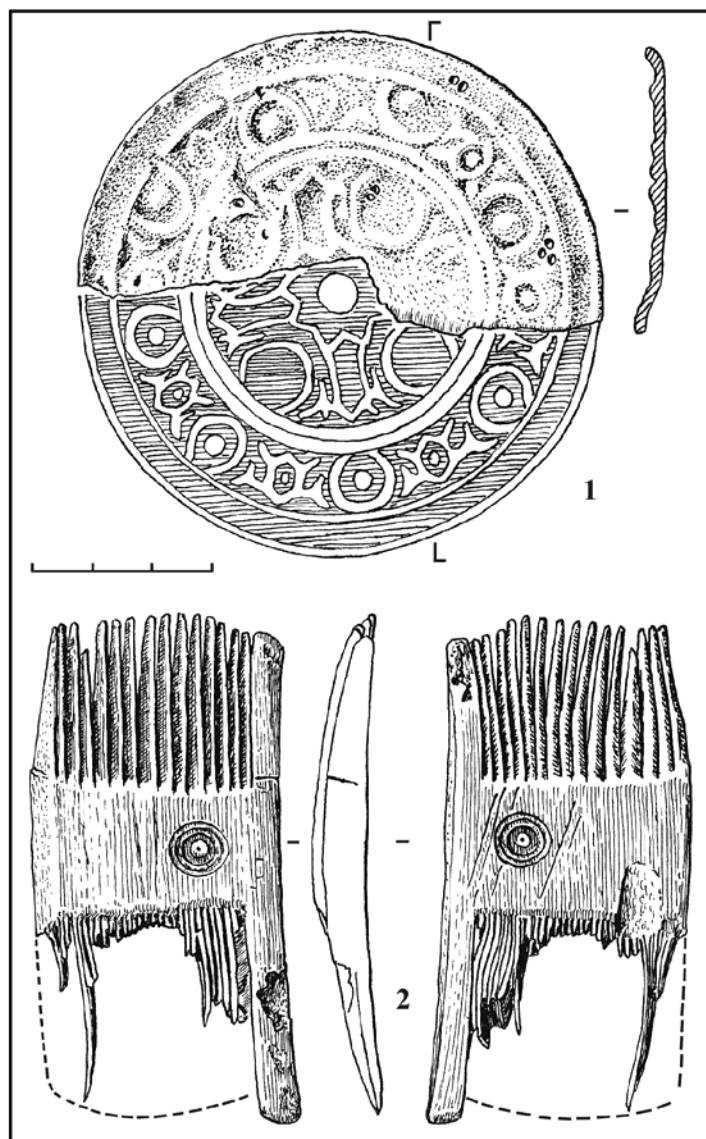

Рис. 80. Телеутский Взвоз-I. Курган №1.
Фрагмент бронзового зеркала (1)
и деревянный гребень (2) (по: Тишкин А.А.,
Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, рис. 5)

не смешивается, а формируется в виде очень маленьких кусочков. Зафиксированное обстоятельство потребовало дополнительных исследований. Изделие неоднократно изучалось автором монографии с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ. Результат оказался несколько другим и в обобщенном виде выглядит следующим образом: Cu (медь) – основа (>85%); Sn (олово) – 6,5–8%; Pb (свинец) – 2,5–4,3%; As (мышьяк) – <1%; Sb (сурьма) – >0,5%; Zn (цинк) – около 0,3%; Fe (железо) и Ni (никель) – следы. Данные показатели, морфологические и декоративные особенности демонстрируют традицию изготовления металлических зеркал, отличающуюся от так называемой китайской, о которой будет сказано в следующей главе. Изученный фрагмент зеркала датируется последней третью XIII – началом XIV в. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, рис. 5.-1, с. 92–93, 100). Идентичный предмет происходит из погребения монгольского времени памятника Сутуу-Булак-I на Тянь-Шане (Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š., 1997, abb. 6.-15). Несколько

подобных экземпляров хранится в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета им. В.М. Флоринского (материалы не опубликованы, но готовятся к изданию). Одно зеркало из Минусинского музея опубликовано Е.И. Лубо-Лесниченко (1975, с. 41, рис. 10). Другие аналогии представленным изделиям из Телеутского Взвоза-I и из уже вышеописанного памятника Островное-III найти сейчас не трудно. Круглые металлические зеркала или их обломки являются довольно частой находкой в погребениях кочевников монгольского или золотоордынского времени периода развитого средневековья (Маргулан А.Х., 1959; Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З., 1970; Арсланова Ф.Х., 1970; Заднепровский Ю.А., 1975; Могильников В.А., 1981; Семькин Ю.А., 1996; Плетнева Л.М., 1997; Табалдиев К.Ш., 1999; Руденко К.А., 2004; Власкин М.В. и др., 2006; и др.).

Исследователи, которым удается обнаружить металлические зеркала в погребениях, часто при датировке памятника обращаются лишь к монографии Е.И. Лубо-Лесниченко (1975), не привлекая для анализа археологического материала другой многочисленной ли-

тературы. В результате такого одностороннего подхода их могут подстергать существенные ошибки (см. например: Казаков А.А., 1995, с. 185). Подобное замечание высказал и К.Ш. Табалдиев (1999, с. 78), обращая внимание на то, что аналогичные для зеркала монгольского времени из памятника Бел-Саз-I детали орнамента прослеживаются в бронзовом изделии, находящемся в музее ТГУ и датированном Е.И. Лубо-Лесниченко (1975, с. 41–42) III–V вв. н.э. Данное хронологическое несоответствие в 1000 лет может возникать из-за визуального сходства найденных изделий с так называемыми медалевидными и другими подобными зеркалами скифо-сарматского времени. При этом не исключено, что именно с того времени возникает и развивается традиция изготовления такого вида изделий. Однако в данном случае оба зеркала, опубликованные Е.И. Лубо-Лесниченко (1975, с. 41–42, рис. 10–11) в монографии «Привозные зеркала Минусинской котловины» под №14 (II 8) и №17 (II 9), датированы им III–V вв. по сути дела ошибочно. Это подтверждается приводимыми образцами и многочисленными находками почти идентичных зеркал на памятниках монгольского времени (см., например, Anke B., Moskaev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š., 1997; Табалдиев К.Ш., 1999; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; и др.).

Деревянный гребень (рис. 80.-2) впервые обнаружен в кургане монгольского времени в довольно хорошо сохранившемся виде. Изделие имеет зубья разных размеров, расположенные с двух торцов. На обеих плоских сторонах хорошо фиксируется циркульный орнамент из нескольких окружностей с точкой в центре. Наиболее близкая аналогия обнаруживается в погребении могильника Сутуу-Булак-I на Тянь-Шане (Anke B., Moskaev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š., 1997, abb. 6.-14). Нужно отметить, что такие гребни были широко распространены в Восточной Европе в период развитого средневековья. Фрагмент деревянного гребня другого типа найден в погребении памятника Усть-Алейка-5 (Тишкин А.А., 2001в, рис. 1.-5).

При проведении археологических исследований памятника Телеутский Взвоз-I в курганах монгольского времени найдены остатки берестяных изделий, атрибутированные как части женских головных уборов (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 95). Обнаруженные в трех могилах навершия состояли из двух деталей. Цилиндрическая трубка и раструб, сделанные из берестяных листов в два слоя, имели многочисленные следы сшивания между собой, а также отверстия от закрепления на данный каркас облицовочного материала и украшений (рис. 81–83; фото 16 на цветной вклейке).

Полученные находки дали возможность приступить к поиску аналогий среди археологических данных. Это, в свою очередь, потребовало привлечения имеющихся сведений, отраженных в письменных и изобразительных источниках.

Анализ опубликованных результатов раскопок средневековых захоронений составил круг обнаруженных материальных доказательств широкого распространения своеобразных женских головных уборов (фото 15, 17–18 на цветной вклейке), описанных европейскими и китайскими путешественниками XIII в. В Лесостепном Алтае подобное берестяное навершие, практически идентичное образцам из памятника Телеутский Взвоз-I, было найдено в погребении XIII–XIV вв. на могильнике Ближние Елбаны-VI (Грязнов М.П., 1951, рис. 30.-232; 1956, с. 147). Похожие изделия происходят из захоронений монгольского или золотоордынского времени на Тянь-Шане (Табалдиев К.Ш., 1996; Anke B., Moskaev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š., 1997, abb. 13.-1–2), на Южном Урале (Мажитов Н.А., 1977; Иванов В.А., Кригер В.А., 1998), в Поволжье и Заволжье (Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998; Недашковский Л.Ф., 2000; и др.), в Подонье (Ефимов К.Ю., 2000), в

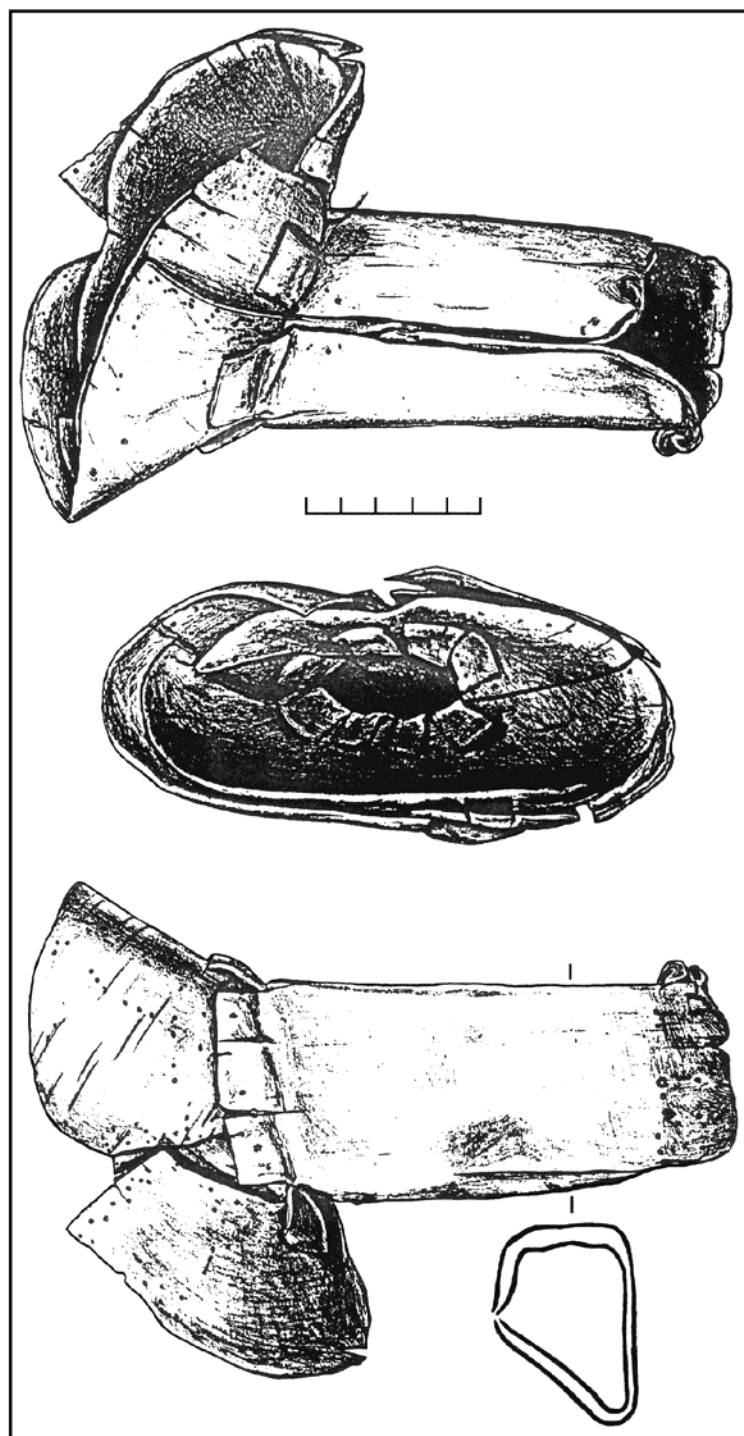

Рис. 81. Телеутский Взвоз-I. Курган №8.
Берестяной каркас «бокки» (по: Тишкин А.А.,
Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, рис. 27)

бронзовым зеркалом, железный нож, а также остатки погребальной повозки. К сожалению, более подробными сведениями мы не располагаем. Известно, что на территории Монголии в 1986 и в 1988 гг. найдены берестяные остатки «бокки», которые состояли из нескольких частей (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 133).

Довольно подробно на интерпретации археологических находок остановился Г.А. Федоров-Давыдов (1966). Обнаруженные к тому времени предметы (22 экз.) он отнес к «боккам», определяя их характерными для монголов *женскими головными уборами* (здесь и далее по-

Туве (Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007, с. 164), в Казахстане и Монголии (Ларичев В.Е., 1968; Баяр Д., 1991; Лхагвасурэн Х., 1994; Табалдиев К.Ш., 1996; Эрдэнэбат У., 2006; и др.).

Исследования в Монголии, проведенные экспедицией под руководством А.П. Окладникова в 1960 г., дали интересные материалы, которые имеют отношение к обозначенной нами тематике. У подножья склонов гор Богдо-Уул обнаружена композиция, сделанная черной тушью на скале. Скопированный рисунок фигуры женщины в одежде и «бокке» в какой-то мере иллюстрировал картину монгольской эпохи, а также цитируемые А.П. Окладниковым (1962, с. 70–72, рис. 19) описания Плано Карпини, Рубрука, Сюй Тин-чжи и сделанное указание на портрет императрицы Юаньской династии. Однако более значительными, на наш взгляд, оказались результаты раскопок средневекового погребения, произведенного в той же экспедиции В.В. Волковым. В глубокой могиле была захоронена женщина, одетая в богатый шелковый халат и лежавшая головой на север. Из краткой информации, опубликованной в книге В.Е. Ларичева (1968, с. 262–263), известно, что слева от черепа находился длинный «цилиндрический футляр знаменитой бокки, сделанный из бересты». Кроме этого, там лежали «завернутая в дорожную ткань серебряная чаша, украшенная по краям орнаментом», сумочка с

лужирный курсив мой. – А.Т.). Исследователь, как и А.П. Окладников (1962), привел выдержки из описаний, сделанных Плано Карпини, Рубруком и Сюй Тин-чжи, а также указал на имеющиеся изображения «бокки» на скалах и портретах императриц Юаньской династии. Будет уместно привести цитату из монографии Г.А. Федорова-Давыдова (1966, с. 36), в которой сообщается об устройстве головного убора, зафиксированного в кургане памятника Старое Мусино, так как рисунки рассматриваемых вещей там не приведены: «...на голове женщины обнаружена шапочка в виде шлема-пишака, сделанная из бересты и коры, обшитая бронзовой пластиной, от которой остался след окиси. Внутри шапочка имела меховую подкладку. По низу шапочка с внешней стороны была обшита ремнем с серебряными фигурными бляшками». По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, «бокки» в Восточную Европу были привнесены монголами, но при этом погребения с ними не выделяются какими-то специфическими чертами. «Следовательно, или бокка утратила свой ... монгольский характер и ее стали носить половцы и другие кочевые племена ..., или монголы ... быстро утратили свой ... обряд погребений и хоронили по обычаям местных...» Не исключено, что такой процесс был двусторонним (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 156–157).

В опубликованных В.А. Ивановым и В.А. Кригером (1988) материалах «бокки» трактуются как берестяные трубочки для кос. Они найдены в погребениях Южного Урала и представляли собой полые цилиндры, свернутые из нескольких слоев бересты и прошитые по краю. Приведенные в монографии «Курганы кыпчакского времени...» рисунки настолько малы, что трудно судить о каких-либо деталях обнаруженных предметов. Тем не менее в тексте авторы указывают на два вида рассматриваемых изделий, отличающихся по длине, а также по диаметрам концов «бокки». Ими отмечены остатки тканей и нашивные бляхи, иногда сохранявшиеся на

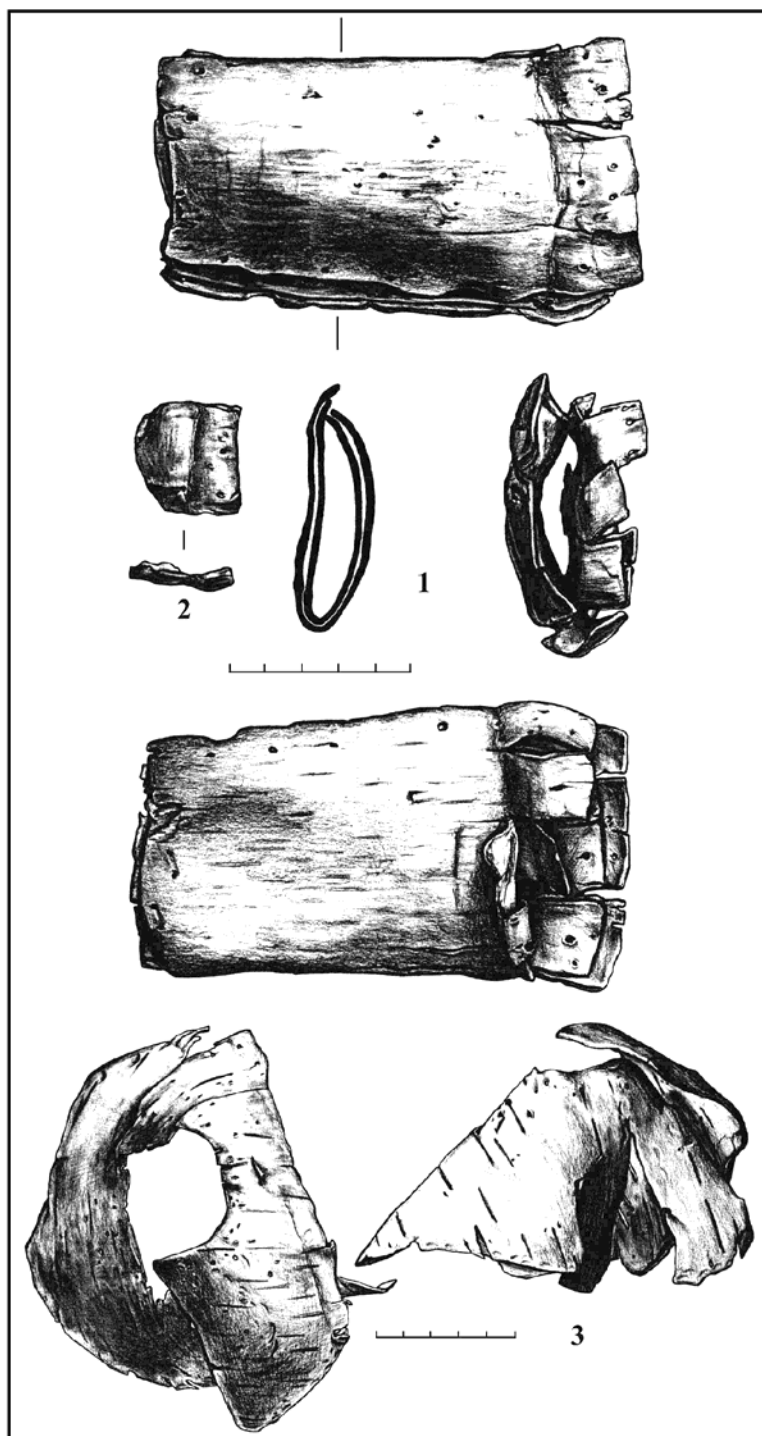

Рис. 82. Телеутский Взвоз-І. Курган №9.
Части берестяного каркаса «бокки» (по: Тишкин А.А.,
Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, рис. 32)

берестяных трубочках. По мнению В.А. Иванова и В.А. Кригера (1988, с. 8), сделанные находки нет смысла связывать с монгольской культурой, так как такие вещи, вероятно, являлись копией «более древнего, еще времен кимако-кыпчакского объединения, головного убора, и в золотоордынское время они употреблялись менее состоятельными членами общества».

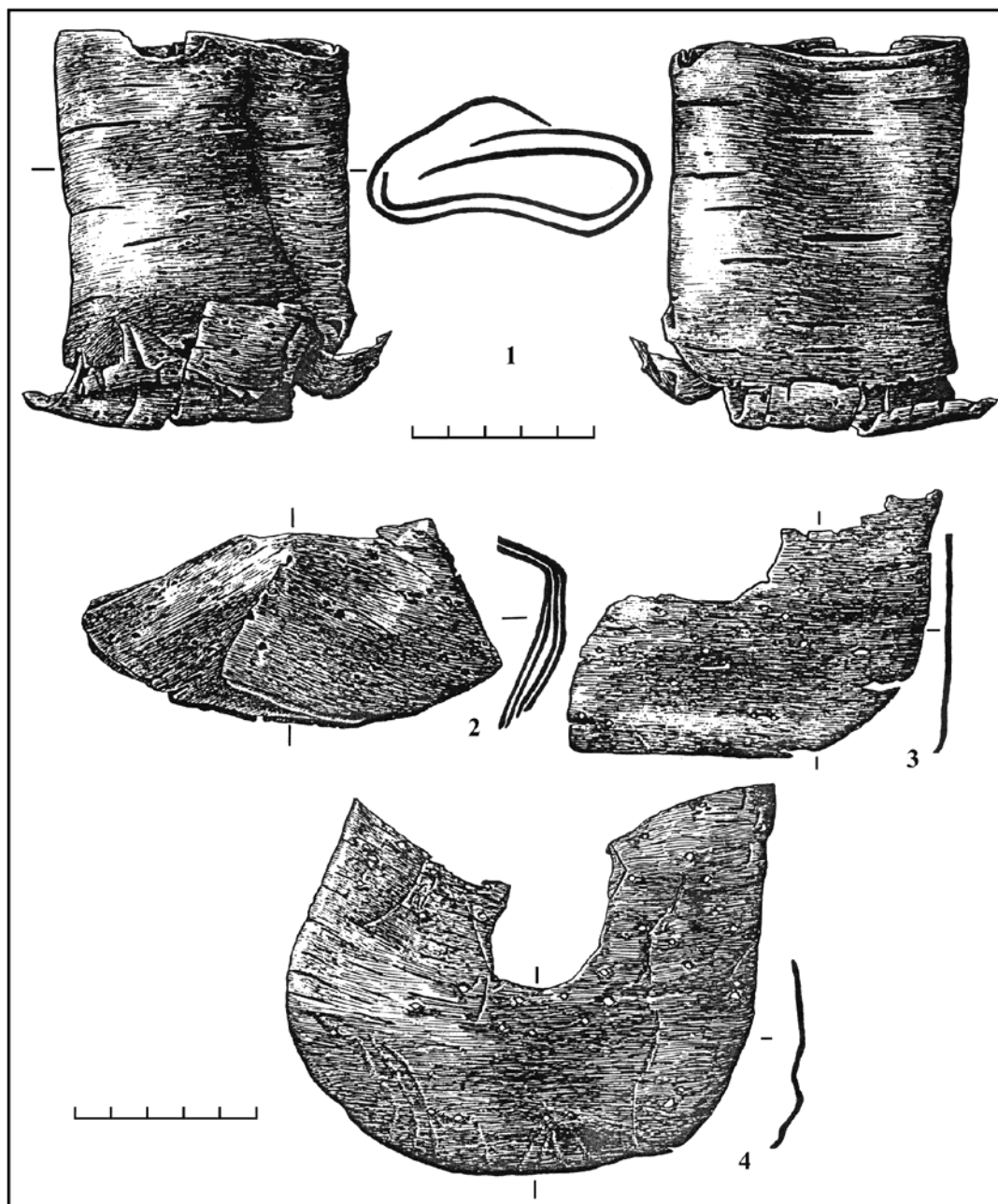

Рис. 83. Телеутский Взвоз-I. Курган №12. Фрагменты берестяного изделия
(по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, рис. 56)

В исследованных на Тянь-Шане средневековых памятниках, хорошо датированных нумизматическими находками концом XIII – началом XIV в., обнаружены остатки бересты в виде уплощенного цилиндра в пяти женских погребениях трех разных могильников (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 132–134). Наиболее хорошо сохранившиеся детали позволили реконструировать внешний вид «бокки» (Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š., 1997), соотнести его с уже неоднократно указанными описаниями (Табалдиев К.Ш., 1996), а также с портретными изображениями императриц Юаньской династии и с реалиями ка-

менных изваяний из Монголии (Баяр Д., 1991). Важными и конкретизирующими являются наблюдения, сделанные К.Ш. Табалдиевым (1996) по поводу украшения головных уборов тканью, бисером, подвесками, а также при рассмотрении устройства «бокки» и возможного выделения разных типов таких изделий.

В публикации К.Ю. Ефимова (2000) о замечательных находках монгольского времени из памятника «Олень-Колодезь» остов «бокки» оказался не замеченным и описан как «берестяной сапожок», найденный слева от черепа погребенной женщины. Однако данный образец является хорошей возможностью для достоверной реконструкции головного убора периода развитого средневековья и для сравнения его с известными изображениями, сделанными на материалах из Укека, а также с многочисленными иллюстрациями собственно монгольского или близкого к этому времени (Мыськов Е.П., 1995; Табалдиев К.Ш., 1996; Крамаровский М.Г., 2000; Юрченко А., 2002; 2009; Эрдэнэбат У., 2006; и др.).

Будет уместным привести неоднократно упоминаемые письменные свидетельства, зафиксированные в трудах путешественников XIII в. Данное цитирование обеспечит возможность более объективного сравнительного анализа с археологическими находками и изобразительными материалами. Несмотря на отмеченные противоречия и другие недостатки имеющихся описаний (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 104–109), все же они являются ценнейшими источниками по эпохе средневековья.

Гильом де Рубрук (1997, с. 98–99, 144) написал о монгольских женщинах следующее: «... они носят **украшение** на голове, именуемое бокка, устраиваемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это **украшение круглое и большое**, насколько можно охватить его двумя руками; длиной оно в локоть и более, а сверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту бокку они покрывают драгоценной шелковой тканью; **внутри бокка пустая**, а в середине над капителью или над упомянутым четырехугольником, они ставят **прутик** из стебельков, **перьев** или из **тонких тростинок** длиной также в локоть и больше. И этот пруттик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста **селезня**, а также **драгоценными** камнями. **Богатые** госпожи полагают это **украшение** на верх головы, **крепко стягивая его меховой шапкой**, имеющей в верхушке приспособленное для того отверстие. Сюда они **прячут** свои **волосы**, которые собирают сзади к верху головы, как бы в один узел, и полагают в упомянутую бокку, которую потом **крепко завязывают под подбородком**...» И далее: «После этого, когда был уже ясный день, она стала снимать у себя с головы **украшение**, именуемое **бокка**, и я увидел, что голова ее **плешива**».

Джованни дель Плано Карпини (1997, с. 34) не указывает название увиденного им женского головного убора, а лишь приводит описание его и некоторые наблюдения: «На голове же они носят нечто **круглое**, сделанное из прутьев или из коры, длиной в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий пруттик из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот [убор] **нашит на шапочку**, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый прибор покрыты букараном (шерстяная ткань. – А.Т.), или пурпуром, или балдахином (узорчатая ткань из золотых и шелковых нитей. – А.Т.). Без этого убора они никогда **не появляются** на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины. Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов...»

Еще раньше, чем Рубрук и Плано Карпини, побывав у монголов, китайский представитель Сюй Тин-чжи оставил такие свидетельства: «Женщины носят на голове гу-гу. [Я, Сюй]

Тин видел, что у них при изготовлении гу-гу каркас делается из раскрашенного дерева и обертывается красным шелком или золоченой шелковой материей, а к самой макушке прикрепляется ветка ивы или [сделанная] из железа длиной 4–5 чи и обертывается темно-синим войлоком, [причем] у людей из верхов [общества] она украшается цветами из зеленых перьев зимородка или [кусками] разноцветных шелковых тканей из нашего государства, а у людей из низов [общества] – фазаньими перьями» (Краткие сведения..., 1960, с. 140).

В «Сокровенном сказании» и других монгольских летописях есть неоднократные указания на головные уборы людей разных средневековых племен. Исследователями отмечено употребление там терминов, характерных и для современности. Что касается проблемы происхождения указанных головных уборов замужних монгольских женщин («бокка» – бог-таг, бокто), то она требует специального изучения. Отметим лишь приведенные Л.Л. Викторовой (1980, с. 38–39) сведения о связи их с головными уборами ухуаньских женщин.

Имеющиеся в настоящее время свидетельства позволяют приступить к развернутому исследованию обозначенной темы в различных направлениях: от фиксации данных до детальной реконструкции конкретных форм женских головных уборов монгольского времени. Этой тематике посвящены работы С.А. Пилипенко (2003, 2007 и др.). Обобщенные материалы и многочисленные свидетельства монгольский исследователь У. Эрдэнэбат (2006) изложил в специальной монографии о «бокках». Этой же теме посвящена серия других работ отечественных и зарубежных ученых.

Таким образом, курганы, исследованные на памятнике Телеутский Взвоз-I, несмотря на сильную разграбленность, позволили многогранно охарактеризовать культуру населения Лесостепного Алтая монгольского времени.

УСТЬ-АЛЕЙКА-5. В Алтайском государственном краеведческом музее (Барнаул) хранится коллекция №14483. Судя по записке, которая находится вместе с предметами, у с. Усть-Алейка Калманского района Алтайского края (рис. 84.-6) в ходе строительных работ был разрушен курган с захоронением монгольского времени (Тишкин А.А., 2001в). В связи с тем, что результаты работ, проведенных на памятнике В.Б. Бородаевым, до сих пор остаются неизвестными, предлагаем описать предметы в том виде, как они обозначены в Книге поступлений АГКМ с некоторыми комментариями автора и ссылками на рисунки, помещенными в скобки:

Материалы раскопок и сборов у с. Усть-Алейка Калманского района. Бородаев В.Б., 1981 г. Усть-Алейка-5, могила-1.

1. ОФ 14483/3, А-755 – обрывок одежды с вышивкой 15х4 см (рис. 84.-1, вид с двух сторон и разрез; см. фото 21 на цветной вклейке).

2. ОФ 14483/4, А-756 – обрывок ткани 11х4 см (этот фрагмент плохой сохранности на рисунках не представлен, но есть на фото 24 – см. цветную вклейку).

3. ОФ14483/6, А-758 – бронзовое кольцо с тканью (серьга, рис. 84.-2; фото 24 на цветной вклейке).

4. ОФ 14483/2, А-754 – бронзовый перстень (рис. 84.-4; фото 24 на цветной вклейке).

5. ОФ 14483/1 – часть украшения головного убора (рис. 85; см. фото 22–23 на цветной вклейке).

6. ОФ 14483/5 – деревянный гребень (представлен небольшим фрагментом, по которому неясно, был ли гребень двусторонним или нет; рис. 84.-5).

7. ОФ 14483/7 – бусина (возможно, она связана с серьгой, рис. 84.-3; фото 24 на цветной вклейке).